



Кlaus. Сектаторы-колонисты в России. Исторические очерки. III. Меннониты. Вестник Европы. Июнь. 1868.

До сих пор шла у нас речь о поселениях, последовательное развитие которых при самых льготных условиях не дало практически применимых у нас результатов, хотя и Радичев, и Сарепта стремились приложить к жизни, развить и утвердить окончательно нормы человеческого общежития, составляющие, по мнению этих братств, сущность истинного христианства.

Попытки в том же роде, но несравненно более крайние, во множестве встречаются теперь в Северо-Американских Штатах ¹⁾. Там, на территориальном просторе столь же широком, как и индивидуальная свобода американского гражданина, более или менее сильные, цветущие общины разных сект отрешились не только от господствующих гражданских кодексов, но нередко и от догматики христианства. Каждая секта, создав себе свой собственный социальный устав, один оригинальнее другого, всеми силами старается приложить его к жизни, возвести

¹⁾ «Новая Америка» В. Диксона. Спб. 1867.

-666-

свое учение в строгую систему и пропагандировать его в «языческой» среде.

Так, мормоны признают три мира, — два невидимых, безплотных, а именно: *небесный* или *загробный*, куда переселяются души обитателей третьего, *вещественного* мира — земли, и *доземной*, населенный душами, ожидающими воплощения чрез человека. Вменяя человеку в особую заслугу и обязанность — возможно большее воплощение душ последнего мира, мормоны возвели полигамический брак в догмат веры и практикуют его в самых странных применениях, идущих в разрез с нашими нравственными нормами брачных отношений. Вместе с тем, мормоны признают семейное начало, в смысле патриархальной семьи, и личную собственность, не включая сюда землю, — которая остается собственностью коммунальной.

Шэкеры и библейские коммунисты, или перфекционисты, живут и хозяйничают в роде радичевцев — коммунально, придерживаясь догмата безусловной общности имущества; но во всем остальном обе секты расходятся диаметрально.

«Царство небесное — учат шэкеры — настало; Христос явился вторично на землю; личное управление земли Богом восстановлено». За этими главными принципами, как необходимое их следствие, идут многие другие: «древний закон уничтожен; повеление рости и множиться отменено; грех Адама искуплен; единение неба и земли восстановлено; проклятие, наложенное на труд, снято; земля и все, что на ней, будет искуплено; ангелы и безплотные духи, как вовека оно, стали друзьями и слугами людей. Но только избранныкам известно, что эти великие перемены совершились на земле, ибо большинство людей слепы, глухи и, как в былые времена, не ведают Бога в ту самую минуту, когда Он призывает их к единению с собою. Немногие, очень немногие избраны благостью Божиею; но в сердцах своих избранных Он царит и творит свою волю. Призванные Им люди умирают для мира и забывают в своем новом небесном бытии самое существование мира, его страстей, борьбы, грехов. Каждый из этих избранных твердо верить, что его новое бытие не есть только перемена образа жизни, по совершенно новая жизнь души, в которой мир не имеет ни малейшего участия. Рождение детей и брак для них более не существуют; самая смерть — лишь перемена одежды, лишь обмен видимой, телесной оболочки, на невидимый, духовный наряд славы небесной». Вот — по словам В. Диксона — основные идеи, которыми руководятся шэкеры в их коммунальной

«В истинной организации семьи — утверждают в свою очередь библейские коммунисты — есть четыре степени: 1) примирение с Богом; 2) спасение, от греха; 3) братство мужчин - и женщин, — и 4) общность в труде и его результатах. Но общность имущества подразумевает и общность жен. Совершенно ошибочно мнение, что человек может любить только раз в жизни и что он может любить один только предмет в данное время. Напротив, тайная история человеческого сердца вполне ясно докажет, что оно способно любить сколько бы то ни было раз и сколько бы то ни было лиц; что чем более оно любит, тем более оно может любить. Это закон природы. Но вполне ошибочна мысль, что любовь — неизбежный рок, которому должно предоставить свое течение; напротив, все дело любви и её выражения должны быть подвергнуты просвещенному контролю самого человека и должны быть направлены к достижению наибольшей пользы». На этом основании, каждая община перфекционистов составляет один брачный, пантагамический цикл, в котором «каждый мужчина — брат и муж каждой женщины, а каждая женщина — жена и сестра каждого мужчины». И подобные циклы, как напр. «Онеидский Ручей» доходят до 300 членов! «Брак, как обряд и как факт — говорить В. Диксон — уничтожен библейскими коммунистами на веки во имя истинной веры; они громко заявляют свое убеждение, что такое исключительное и эгоистическое учреждение, как брак, будет отвергнуто всеми честными церквями с той минуты, когда мир освободится от ложной идеи, что любовь — грех».

И приведенные примеры взяты нами на выдержку из целого ряда других, почти не менее своеобразных явлений американской жизни! Современная постановка там одного, так называемого «женского вопроса» такова, что серьезнейшим образом грозит подрывать самые существенные основы господствующего социального устройства. И где же ключ к правильному анализу этих явлений?... С своей стороны, мы видим в них ни более, ни менее как болезненные отпрыски усиливающегося в американском обществе реакционного движения против всемогущего преобладания в нем индивидуального, личного принципа, готового, повидимому, на развалинах моногамической семьи и существующего социального строя водрузить знамя личного произвола, как видимую эмблему своего безусловного главенства над началом ассоциационным, в смысле гражданско-общественного режима. Пока в Америке будет где разойтись различным партиям — существование каждой из

них, как самостоятельного, цельного организма, не встретить особых внешних затруднений; каждая секта легко может более или менее развиться и окрепнуть. Но настанет и там пора, когда территориальный простор съюзится и все партии, секты, системы и общины подвергнутся ближайшему взаимодействию. Тогда в полной силе скажется взаимное противоречие начал и мирозерцаний; тогда представители их придут к окончательному взаимному учету, к последней проверке обоюдных нравственных и материальных сил. По всей вероятности, в этих конечных расчетах примут не маловажное участие представители всех рас человечества и всех своеобразных цивилизаций древнего и нового мира. И кто же решится предсказать конечный исход этого хаотического брожения и попытается предугадать те средние выводы, которые в конце концов явятся общими нормами вновь успокоившагося общества?... Кто, ввиду предусматриваемого нами столкновения, скажет нам утвердительно, что исторический ход развития американского общества не подвергнется вновь, и быть может, еще не один раз, подобным же кровавым эпизодам, какой оно пережило недавно, на наших глазах, и раны которого еще далеко не залечены?...

Но наши религиозно-социальные братства далеки от американских утопий. Признавая обязательным для себя одну только библию с новым заветом, Радичевское и Сарептское братства исходят от того положения, что исключительно этот кодекс должен служить для христианского общества руководство и в вопросах совести, и в делах гражданской жизни. Вследствие того, братства позаботились оградить себя от непосредственного вмешательства и влияния на их внутренние порядки общих гражданского права и административно - полицейских властей. Они доказывают, что наше общественное право выросло всецело на

языческой почве; что оно чуждо началам полного равенства и взаимной братской любви, заповеданных Евангелием «обществу во Христе». Не станем доискиваться — насколько наше русское право солидарно с правом германским, вызвавшим против себя этот протест; оставляем в стороне и вопрос — насколько оба эти кодексы соответствуют началам истинного христианства. Скажем только, что прародитель нашей современной юридической науки — кодекс Юстиниана не мог отрешиться от права греков и римлян, проникавшего и обуславливавшего весь быт и строй древнего цивилизованного мира. Положительное законодательство как теперь, так и во все времена, нормируя условия гражданского быта,

-669-

имеет предметом прежде всего более или менее крепко сложившиеся формы во всех отраслях человеческой деятельности; самая наука права есть, в свою очередь, не иное что, как логический вывод из вековой жизни человечества. Поэтому, если переворот, вызванный христианством, не легко давался языческому миру в сфере отвлеченной — в умах, верованиях и обычаях, то само собою понятно, что в сфере материальных интересов он мог совершиться только путем несравненно более медленным. Социальные революции ни в какие времена не входили и положительно не могут входить в расчет людей практических, и тем более законодателя, допускающего в принципе лишь прогрессивное, но отнюдь не революционное движение.

С этой точки зрения, Радичев и Сарепта получают особенный интерес, как живой, фактический протест против зол современного им человека в семье, обществе, церкви и государстве. Но если и признать, что протест этот не лишен до известной степени справедливого основания, то, с другой стороны, и опыты названных двух братств представляются вполне неудачными.

Радичев, порвав все нити, связывавшие братство с общим порядком вещей, и пытаясь воплотить в объективную действительность свою собственную систему, жертвовал всем для своего идеала. Исходя от принципов общности имущества и полного равенства в личных правах индивидуума, и придав этим началам значение догмата веры, Гуттерская община низвела семью, — мужа и жену, — до «пары» в смысле самца-самки, племенного приплода. Это ставило общину в прямое противоречие с тем высоким значением, какое она, по сущности своей теории, признавала за семейным началом. Другое последствие, логически вытекавшее из основных начал, было соединение церковной и гражданской власти над общиной в одном лице, приговоры которого «священны»; вот новое, коренное противоречие с основным принципом равноправности, так как, в сущности, члены братства оказались равно безправными пред деспотической властью своего старшины. Результаты такой комбинации читателю известны. Радичевская коммуна, в силу догматического значения усвоенных ею основных положений, не допускала и не могла допустить никаких уступок в пользу гражданского положения индивидуума; ей оставалось, или окончательно застыть в первоначально сложившихся условиях, или разрушиться. И судьба Радичева разрешилась гораздо скорее, чем можно было ожидать при благоприятной обстановке,

-670-

данной братству правительством. Ни пособия, ни привилегии не могли остановить разложения коммуны, так как единственная способная на это сила — прогрессивно возрастающий деспотический террор — была здесь немислима, хотя почти только вследствие окружавшей общину внешней среды, т. е. того «языческого» кодекса, несостоятельность которого требовалось доказать.

Сарепта, по крайней мере в период цветущего своего положения, стремилась неуклонно к осуществлению того же идеала. Вся разница в устройстве евангелического братского общества от Радичевской коммуны касалась не столько сущности основных принципов, сколько способа практического их применения. Старшину-деспота заменили центральные коллегиальные учреждения: синодальное собрание и дирекция, — одно как законодательная, другая — как исполнительная власть. Власти эти, выходя из среды братства по срочным выборам, всегда стояли выше статута церковно-общинного благочиния и благоустройства, безусловно обязательного до отмены, или изменения его, в законодательном порядке, для местного

управления в общинах. Кроме того, братское общество, исходя от тех же основных начал— общности имущества и полной равноправности—не прикрепило однако никого из своих членов лично ни к общинному имуществу, ни вообще к общинному союзу: всякий член его сохраняет за собою личное право во всякое время оставить братский союз, ка въ свою очередь и община может удалить из своей среды каждого, «не отдавая никому отчета». Таким образом, приведенные нами основные начала получили здесь, по преимуществу, экономически-гражданское значение, вместо прежнего догматического; а такая условность в свою очередь давала возможность, рядом с корпоративно-коммунальною жизнью,— допустить и жизнь семьями, в отдельных домах и хозяйствах, личную собственность, более или менее определенных юридические отношения индивидуума к общине и т. д. Читатель знает, к чему пришла Сарепта в течение столетняго своего существования: вся история её есть ряд паллиативных сделок общинного начала с личным, — сделок, окончательный результат которых еще впереди, хотя и обозначилось уже довольно осязательно, что братство, путем тяжелого опыта, более и более сближается с отвергнутым им «языческим» кодексом. И едва ли потребуется нового столетия, чтобы окончательно придти Сарепте к сознанию превосходства гражданского права «грешного мира» пред ея собственным, уже значительно поблекшим

-671-

идеалом, благодаря, конечно, обоюдным уступкам и усовершенствованиями.

Меннониты, с которыми мы намерены теперь ознакомить читателя, именуют себя также братством; также, как Сарепта и Радичев, они связывают довольно тесно церковно-общинное благочиние с гражданским устройством, основывая и то и другое предпочтительно на текстах св. писания. Но у них власть духовная положительно отделена от власти гражданской, и притом в такой комбинации, что последняя вполне подчиняется общим порядкам управления, а семейно-гражданское право их, имея в основании своем все тот же принцип равноправности, весьма близко, если не совершенно совпадает с идеалом, к которому стремится наше сельское состояние. По крайней мере на всю нашу иностранную колонизацию общинно-имущественное и семейное устройство меннонитовъ оказало весьма существенное, и притом благотворное влияние, тем более, что правительство, убеждаясь изумительно быстрыми успехами меннонитского хозяйства, руководилось ими до известной степени при устройстве большинства остальных колоний.

I

История меннонитскаго братства восходит равным образом до времен реформационных. Братство это составляет преобразовавшуюся отрасль анабаптистов или перекрещенцев, появившихся, в виде особой секты, в Германии, одновременно с Лютером. Анабаптисты возставали против крещения младенцев, и некоторых других догматических и обрядовых учений католичества, Лютеранства и кальвинизма. Из числа последователей секты анабаптистов отличались особенным фанатизмом известные «цвикауские пророки» в Саксонии, и, во главе их, не менее известные в истории того времени Фома Мюнцер, Мартын Целлариусъ и др. Основным принципомъ их проповеди была полная равноправность всех христиан. При дальнейшем развитии секты, сюда присоединился еще принцип безусловной имущественной общности.

Юный протестантизм, выставив на знамени своем: свободу совести и убеждения, держался однако этого великого начала только в собственных, исключительных интересах. «Цвикауские пророки», осмелившиеся иметь свое суждение, подверглись в Саксонии жестоким преследованиям со стороны главных религиозных партий. Слабые числом, анабаптисты бежали

-672-

во все стороны, и главный ревнитель ихъ, Фома Мюнцер, успел основаться в Вальдсгуте, на границе Швейцарии с Виртембергом. Здесь сложился новый центр секты, переместившийся затем в город Мюнстер, где тогдашний глава анабаптистовъ— Бокгольд, или Иоганн Лейденский, основал «царство нового Сиона» и провозгласил себя его королемъ.

Известно, что принципы личной равноправности и имущественной общности были

доведены в царстве «нового Сиона» даже до разрушения семьи, до многоженства. И не здесь ли следует искать первый зародыш мормонизма, достигшего в Америке уже теперь таких значительных размеров, что во всякое время может выставить на свою защиту до 20,000 вооруженных с ног до головы воинов? Но и в настоящем случае мы находим нить, возвращающую нас в Чехию. Дело в том, что Фома Мюнцер, до удаления своего в Вальдсгут, провел около двух лет (1521 — 1522 гг.) в Праге, вращаясь здесь, по преимуществу, в кругу мораво-чешских братьев. Только с этого времени все проповеди и сочинения Мюнцера обнимают уже не одну религию, но и вопросы политикосоциальные. И нет сомнения, что в сущности социальных воззрений первых анабаптистов лежит главная причина той непримиримой ненависти, которую одинаково питали к ним и католики, и лютеране, и реформаты. Не в праве ли мы предполагать, что социальная часть учения Мюнцера, и особенно принцип имущественной общности, возведенный в догмат веры, был заимствован им из того же источника, откуда почерпнули его тиронец Гуттер и другие ?... Но тем интереснее становится для нас крайняя уродливость, до которой дошло это начало на чуждой ему почве, среди кровных немцев, в Мюнстере. Неудивительно, что на сынов «нового Сиона» ополчилась вся Германия, и что против догмата имущественной общности и католики, и протестанты действовали также дружно, как в свое время каликстинцы и католики против гусситов - таборитов.

В 1535 г., город Мюнстер был взят приступом общими усилиями католиков и протестантов; сыны «нового Сиона» погибли почти поголовно. Но еще до настоящей катастрофы отсюда были отправлены в разные стороны «апостолы-проповедники». Благодаря этому обстоятельству, учение анабаптизма не погибло; в течении времени оно подверглось только существенным изменениям. Устрашенное судьбой царства «нового Сиона», большинство мюнстерских апостолов - проповедников нашли возможным возвратиться к учению о святости моногамического брака

-673-

и семьи, и с тем вместе вовсе отступить от принципа имущественной общности. Такая уступка ставила их сразу в прежние солидарные отношения с тогдашним обществом, но она же доказывает, что означенное начало было элементом напускным и, по сущности своей, совершенно чуждым духу и воззрениям этих людей. Иначе, едва-ли они так легко отрешились бы от него. Не забудем, что собравшиеся в Гернгуте мораво-чешские братья, не смотря ни на авторитет графа Цинцендорфа, ни вообще на значительное число присоединившихся к ним немцев, согласились только обойти молчанием вопрос имущественной общности, а на деле пытались удержать этот принцип почти всецело. Вспомним наших радичевцев, которые, среди вековых гонений, выражали постоянную готовность жертвовать в защиту своего знамени и жизнью, и достоянием; вспомним, наконец, потомство этих утопистов, стремящееся и по сие время к осуществлению идеала отцов. Не зная даже личности мюнстерских «апостолов-проповедников», отказавшихся так легко от начала имущественной общности, мы тем не менее вполне уверены, что они вышли не из среды славянской народности, и вообще не принадлежат к числу людей, бывших в более или менее близких соотношениях с религиозно-социальными движениями в Чехии и Моравии.

Ограничиваясь одной религиозной пропагандой, апостолы анабаптистов вновь стали приобретать последователей по Рейну, в северной Германии и Нидерландах. Наконец, учение их почти совершенно освободилось от прежнего фанатизма, когда явились между ними, в качестве реформаторов, братья Уббо и Дирк Филипсы и Менно Симонс, толку которого следуют все меннониты, названные его именем.

Менно Симонс родился в Витмарзуме, в Фрисландии. С 1524 г., он состоял на родине своей приходским священником. В 1536 г., Менно формально отрекся от католицизма, окрестился по обряду анабаптистов и сделался духовным старшиною их, в Грёнингене. Поставив себе задачею склонить, по возможности, всех новых единоверцев своих на такую внутреннюю организацию, которая доставила бы им, если не покровительство, то терпимость со стороны правительственных властей, Менно Симонс объезжал для этой цели Нидерланды, прирейнские земли, ганзейские города и Пруссию. Неутомимой пропаганде его удалось собрать разбросанных в этих местностях анабаптистов в особые общины, которые стали

именоваться: «общины Божьи, нищее беззащитное братство».

Учение Менно Симонса отвергает духовную иерархию и

-674-

вообще священство, присягу, войну и всякого рода возмездие. Брачный развод оно допускает только в случае нарушения супругами взаимной верности. Требуя крещения не младенцев, а исключительно одних взрослых, и положительно запрещая последователям своим отправлять каких бы то ни было правительственных должностей и военной службы, Менно признает правительство вообще учреждением до времени необходимым, но, тем не менее, чуждым царству Христа Спасителя. Далее, Менно наказывает, что церковь, как общество святых, следует поддерживать в соответственной тому чистоте. Вообще же, отождествляя вполне понятия «церковь», «общество святых» и «приходскую общину», праучитель меннонитов требует и практического применения весьма строгих правил церковно-общинного благочиния. В то же время он не только сохраняет лично за каждым меннонитом право, но и обязывает его придерживаться исключительно того прихода, который более всего соответствует собственному личному убеждению каждого. Крайним дисциплинарным средством благочиния указывается — церковное отлучение, и притом в такой форме, что примененное строго, отлучение это влечет за собою ограничение, или даже временное лишение отлученного, косвенным путем, не маловажных гражданских прав. Мера эта состоит не только в устранении отлученного собственно от церкви и церковного общения, но и в запрещении всякому другому меннониту иметь с таким лицом какое бы то ни было сношение и соприкосновение, даже в частной гражданской жизни. По принципу, отлученного оставляют его слуги, даже семейные; от него отворачиваются соседи и не удостоивают ни ответа, ни привета лучшие друзья его; он — личность безусловно всеми отверженная, «пока не принесет должного покаяния». Такой характер церковного отлучения приводил меннонитов нередко в весьма неловкие отношения к законам страны не только у нас, но и за границею, так как нигде, кроме разве в местах преобладания католического ультрамонтанства, карательная власть церкви не должна касаться личных прав гражданина. Подобного рода неудобства породили у самих меннонитов, уже вскоре после смерти их праучителя, внутренние несогласия и раздоры: явились две партии, отстаивавшая одна — более строгая, другая — менее суровая правила церковного отлучения. Только около 1800 г, состоялось между враждующими соглашение, которым было положено — не делать настоящий вопрос поводом раздора, а предоставить практическое разрешение его каждому приходу, сообразно убеждению большинства прихожан

-675-

и соответственно данным внешним условиям. Отсюда понятно, что и по настоящее время церковное отлучение, и вообще общинно-церковное благочиние играют весьма важную роль как у заграничных, так и у наших меннонитов.

Еще во время польских королей, значительное число меннонитов перешло из Нидерландов в окрестности города Данцига, в западной Пруссии. Здесь, в устьях Вислы, они заняли так-называемую Мариенвердерскую низменность, состоявшую в то время из болот, песков и солончаков, заливаемых то рекою, то со стороны моря. Пользуясь особым покровительством польских королей, а потом и прусского правительства, меннониты всегда были свободны и даже по настоящее время освобождены лично от военной и гражданской службы. Отведенную им бесплодную низменность они оградил со стороны реки и моря грандиозными искусственными сооружениями и земляными плотинами, осушили болота, вывели пески и солончаки, и обратили таким образом эту местность в цветущий сад, богатые нивы и т. д. И надобно заметить, что эти результаты достигнуты ими еще в то время, когда и в самой Пруссии крестьянское хозяйство стояло на сравнительно весьма низкой степени, так что культурные успехи меннонитов давно уже утвердили за ними славу лучших хозяев и, благонадежнейших граждан. А что эти заслуги всегда имели и тепер еще имеют не маловажную цену даже за границею, то это доказывается непреклонностью, с которою прусское правительство на наших глазах отстаивало против народного представительства личную свободу меннонитов от обязательной военной службы. Оно действовало в этом случае, конечно, в том сознании, что

лишение меннонитов указанного права вынудит их покинуть Пруссию.

II.

В начале нашей статьи мы указали уже на первые колонизационные попытки нашего правительства. В то время нигде, конечно, не было и помину о привлечении меннонитовъ къ отбыванию военной службы. Но за то Мариенвердерская низменность была переполнена ими, а приобретение новых земель в Пруссии, в тех условиях, каких требует меннонитская общиннокультурная система, из года в год делают затруднительнее. С другой стороны, правительству нашему очень желалось подвинуть братство к колонизации Новороссии. Наконец, польские смуты, повлекшие за собою первый раздел царства, и неопределенные,

-676-

шаткия условия, в которые по этому разделу был поставлен город Данциг с его окрестностью, привели Мариенвердерское меннонитское братство к тому, что оно охотно последовало приглашению нашего правительства, и в 1787 г. выслало в Петербург своих уполномоченных для переговоров о колонизации. Но братство, как в свое время и евангелическое братское общество, не удовлетворялось правами, дарованными манифестом 1763 г. всем иностранным колонистам; само же правительство, вынесши горький опыт из предшествовавших колонизационных предприятий, рассчитывало, и конечно не без оснований, что поселение в России таких испытанных хозяев, каковы меннониты, должно будет сопровождаться более благоприятными последствиями. Поэтому немудрено, если мариенвердерскому братству было дано разрешение на переселение к нам, в неограниченном числе, на следующих условиях ¹⁾: 1) им отводится земля близ Берислава, в Новороссийской (ныне Херсонской) губ., по 65 дес. на семейство, независимо от числа душ в семье; 2) приняв подданство России, они и их потомство пользуются свободой вероисповедания и правом приносить присягу «по их правилам» изустным «да»; они навсегда свободны от воинской и гражданской службы, от подвод, работ и постоев; 3) им предоставляется льгота «от всяких податей» на 10 лет и право заводить фабрики и заводы, торговать и записываться в гильдии и цеха; 4) на переезд и первоначальное обзаведение им даются: а) подводы «от границы до Берислава»; б) кормовые деньги посуточно, именно: во время пути от 12 до 25 в., а затем до первого урожая по 10 коп. на душу обоого пола; в) семенной хлеб «с возвращением его по времени»; ссудою на каждое семейство по 500 руб. «чрез 5 месяцев по прибытии в Ригу» и по 120 четырех-саженных бревен, а на все общество первого транспорта—еще 6 жерновых камней и нужный на выстройку двух мельниц лес. Со своей стороны, меннониты обязывались: давать, на общем основании, квартиры и подводы для проходящих чрезъ их селения войск, содержать в исправности дороги и мосты в пределах отведенных им земель, а по истечении льготных лет, возратить казне ссудный долг в три года и уплачивать поземельную подать «навсегда» по 15 коп. с удобной десятины надела. Наконец, депутатам было дано обещание, что «если общество их удовольствуется льготами и пособиями, изображенными в решении на

¹⁾ Полн. Собр. Зак., т. XXVI (19372).

-677-

представленные от нихъ пункты, то получать и жалованную грамоту, за подписанием Императорскаго Величества и с приложением государственной печати».

На основании этих условий, в начале 1789 г. прибыл изъ-за границы первый транспорт меннонитов, в числе 228 семейств. Они поселились, 8-ю отдельными колониями, не около Берислава, а в Екатеринославской губернии и уезде, по правому берегу Днепра, в Хортицком урочище, с островом того же названия. В 1793—1796 гг. явились новые 118 семейств; из них 86 сем. расселились в существовавших уже колониях, а остальные 32 сем. образовали две новыя колонии: Шёнвизе — в Александровском, и Кронсгартен — в Новомосковском уезде. Все эти колонии вошли в состав особаго округа (волости), названнаго Хортицким.

Однако, несмотря ни на огромные выгоды, предоставленные меннонитам, ни на испытанную славу их, как образцовых хозяев, предпринятая ими колонизация шла далеко не вполне удовлетворительно. Причины тому были весьма разнородные, но все они состояли вне власти самих поселенцев. По свидетельству известного уже читателю статскаго советника,

впоследствии сенатора Контениуса, ревизовавшего южные колонии в 1798—1799 гг., меннониты были «почти все вообще в домашнем быту порядочны и опрятны, в нравственной жизни—резвы и чисты, а в домостроительстве прилежны и старательны». Но за всем тем, Контениус выражал сомнение, чтобы поселенцы эти когда-либо могли достигнуть «хорошего состояния». Хортицкое урочище состоит из маловодной, каменистой возвышенности. По словам Контениуса, «по сухости земли, по недостатку влажности и по безводию»—травы здесь выгорали, хлеб рос худо и часто «пахар обрабатывал и засеивал поля напрасно», так что только «редкий из поселян» мог про довольствоваться собственным хлебом. Одно скотоводство приносило «некоторую» выгоду, а потому поселенцы «сею частью сельского хозяйства весьма» занимались. Они привели с собой из-за границы «достаточное число иностранной породы» лошадей и скота, но, по недостатку в пастбах и сене, нельзя было дать скотоводству те размеры, как того желали поселенцы и как то было в «обычае». Особенно вредили в этом отношении «жестокое зимы», к которым ни сами поселенцы, ни приведенный ими скот не привыкли. К тому же, 86 семейств последних транспортов, «прождав слишком два года назначения им мест под водворение» и не дождавшись - таки надела, принуждены были разместиться в среде устроившихся уже обществ, и тем

-678-

стеснили последних. «Теснота помещения меннонитов — заключает Контениус— на таком месте, которое не приносит надлежащих выгод, главною причиною сих крайностей, а при том и со стороны казны чрезмерно медленное и мелочное, не в сходство привилегий и кондиций их, удовольствие, ибо суммы, весьма раздробительно и малыми частями выданная, по долговому неводворению послужили им только к одному прокормлению и донныне отнимали от них способы к прочному устроению себя, так что многие дома доселе ими отстроены худо, или не окончены, 38-же семейств и совсем не имеют оных». При таких условиях, Контениус не предвидел даже возможности для меннонитов платить в свое время положенную с них подать и возратить казне ссудный долг; вообще же положение дел было таково, что сами меннониты упали духом, а Мариенвердерское братство даже вовсе приостановило дальнейшее переселение.

Такое недоверие к будущим успехам колонизации не может, конечно, не вызвать невольную улыбку у современного читателя, более или менее знакомого с положением наших колонистов. Но, в данное время и при данных обстоятельствах, недоверие это имело весьма существенные и действительные основания. Нет сомнения, что не малую роль играли здесь резкие противоположности климатических, почвенных и вообще хозяйственных условий, существующие между Мариенвердерскою низменностью с одной, и Новороссиєю с другой стороны. Само собой разумеется, что близкое знакомство с культурою колонизируемой местности, меннониты могли купить только ценою немаловажных пожертвований, упорного и осмысленного труда. Но из имеющихся в виду данных, мы убеждаемся, что материальные жертвы не пугали поселенцев, а в нравственных силах недостатка у них не было. Чтобы еще более убедиться, что действительные причины «крайнего» положения меннонитской колонизации следует искать не в этом направлении, мы позволим себе сделать отступление и бросить взгляд на одновременное положение остальных колонистских водворений.

-679-

III.

Мы указали уже на характер немецких колонистов, привлеченных в Россию, на основании манифеста 1763 г., нарочно посланными от нас комиссарами. Огромное большинство этого люда представляло не иное что, как самый разнохарактерный, обнищавший и нравственно распущенный сброд, по типическому выражению самих колонистов: *der Abschaum Deutschlands* (накипь, или, как у нас говорят, «подонки» Германии). Здесь находились и промотавшиеся офицеры, художники, студенты, купцы, ремесленники, и даже бежавшие от правосудия преступники; всего менее было сколько-нибудь благонадежных земледельцев. Весь этот сброд, в течение 3 — 4 лет, был перемещен, как нам известно, в низовое Поволжье. Только небольшая, и при том лучшая часть переселенцев была водворена в колониях: Средней Рогатке, Ново-Саратовской, Ямбургской и Ижорской С.-Петербургской губернии, в кол.

Рибенсдорфе на Слободской украине; в кол. Беловежских Черниговской губернии и в лифляндской колонии Гиршенгоф-Гельфрейхсгоф.

Благодаря мотовству, праздности и разврату поселенцев, но не менее того и корысти управлявших делом колонизации местных властей, одно поволжское водворение обошлось казне до 5 миллионов рублей, из числа которых подлежало возврату без малаго только 3 милл. — К довершению беды, колонизация Поволжья была предпринята вообще не в добрый часъ. Тогдашнего состояния края мы отчасти коснулись уже в истории Сарепты, а кто нуждается в более близком пояснении, того отсылаем к статье г. Мордовцева: «Пугачевщина» ¹⁾. Разоренное огнем, убийствами и грабежом города и селения; розыски, казни и ссылки; не вспаханные и не засеянные поля, голод и тщета, — вот страшная картина того положения, въ каком очутились местности, непосредственно пострадавшие от Пугачевского мятежа; но не одни эти местности, даже весь русский народ, вся Россия долго не могли оправиться после этого кровавого пира.

Мятежническия шайки прошли разрушительным ураганом через все колонии обоих берегов Волги. Кроме того, поселения лугового берега неоднократно подвергались еще хищническим набегам со стороны киргиз-кайсаков, которые резали,

¹⁾ Вестник Европы. Том 1, 1666 г.

-680-

грабили и уводили в плен население, его скот и имущество; некоторые колонии были уничтожены ими окончательно.

Наконец, после невозможного в то время успокоения края, были сформированы: 46 колоний, в составе 5 округов, по нагорной стороне р. Волги, т. е. в Саратовской губ., и 56 колоний в составе 5-ти же округов, по луговой стороне, в нынешней Самарской губ. С 1770 г. прекращено всякое со стороны приселение к этому водворению, а в 1775 г. числилось в нем всего 12,929 муж. пола душ. Следовательно, одного возвратного долга приходилось здесь до 230 руб. на душу.

Из предъидущего видно, что поселение колонистов, по отдельным округам и колониям, или сельским обществам, соответствовало вполне порядку, установленному основным колонизационным законом 19-го марта 1764 г. Но ни в актах того и последующаго времени, ни в памяти самих поселенцев, нам не удалось найти ни малейшего указания на то, чтобы означенный закон был применен к колонизации Поволжья во всех подробностях. Напротив, архивные дела единогласно указывают на вполне хаотическое состояние как поземельного устройства и счетов о казенных долгах поселенцев, так и порядков местного управления ими. Правда, по закону 19-го марта 1764 г., было предположено между прочим «заблаговременно сочинить несколько различных учреждений (о внутренней юрисдикции колоний), и на которые из оных выехавшие и впредь выезжающие согласятся, те утверди письменно, учинить всегдашним той колонии и всех поселянь одной округи законом». Но это благое дело так и осталось в предположении; «внутренняя юрисдикция» была предоставлена обычаю и произволу местных властей как в Поволжье, так и во всех остальных колонистских водворениях, не исключая меннонитских. Причину тому следует искать, по нашему мнению, в полнейшей неудаче, которую потерпели главные деятели, двигавшие колонизационным делом. Правда, Канцелярия опекунов иностранных поселенцев еще в 1765 г. успела подчинить поволжския колонии и заведывавших ими комиссаров особой конторе, в Саратове, облеченной весьма обширной властью. Но из высочайше утвержденного доклада по этому предмету правительствующаго сената видно, что контора эта утверждалась «на то лишь время, пока сие иностранное поселение, вошед во все российские обычаи, препоручено быть может» общему порядку местного управления. Следовательно, голоса более или менее враждебные исключительному положению колонистов среди сельского состояния — уже тогда заявляли о себе; они очевидно шли в разрез

-681-

с тою системою, которая была усвоена руководителями колонизации. К довершению всего, саратовская контора оказалась безсильною, как против всеобщего неустройства в крае, так и

против безпутности самих поселенцев. И вот, с учреждением, в 1782 г., губерний, упомянутые нами голоса взяли верх: все колонии подчинились, на общем основании, ведению казенных палат, земских исправников и общих судебных мест. О последствиях этой меры слишком красноречиво распространяются законодательные акты и архивы, в памяти же самих поселенцев время это считается периодом народных бедствий, в сравнении с которыми самая Пугачевщина представляется совершенно ничтожною.

К исходу XVIII столетия, одни только колонии Петербургские и Меннонитские, в Новороссии, представляли более или менее прочные задатки правильного общественного устройства — первые, благодаря ближайшей заботе об них центрального правительства, а вторые — вследствие известных колонизаторских свойств меннонитов и выработанной ими общинно-культурной системы. Все остальные колонисты наши оказались в полнейшем разстройстве, так что правительство нашло нужным нарядить повсеместные чрезвычайные ревизии для исследования причин беспрестанных жалоб и всеобщего «изнеможения и несостояния иностранных поселенцев». Собранные этими ревизиями фактические сведения убедили правительство окончательно в необходимости возвратиться к основным началам колонизации, предпринять заново устройство колоний и их управления снизу доверху, и изъять их совершенно из ведения общих местных учреждений, «дабы поселенные иностранцы с уездным казначеем и с земским исправником, или комиссаром, никакого дела иметь не могли»¹⁾

Вследствие того, в 1797—1801 гг. были вновь учреждены конторы опекунов иностранных — Саратовская и Новороссийская, и особое инспекторство для с. петербургских колонистов. К ведению сих учреждений отошли все дела колонистов, за исключением уголовных, и, из числа гражданских, дела общие колонистов «с российскими обывателями». Но и эти дела разрешались не иначе, как в общем присутствии колониального начальства с подлежащими местами.

Однако, одного изъятия колоний из ведения общих властей и учреждений было недостаточно; нужно было оградить поселенцев и от произвола их собственного попечительства и для

¹⁾ Полн. Собр. Зак., указ 1797 г. июля 30.

-682-

того окончательно установить их внутренние и внешние, общественные и поземельные условия. С этой целью, в 1800 — 1803 гг.¹⁾ были изданы законодательным порядком и повсеместно по колониям преподаны к руководству однообразные «инструкции внутреннего распорядка и управления», действующие и по настоящее время.

Сущность этих инструкций, на сколько они касаются порядков общественного управления, заключается в следующем:

По мирскому или сельскому управлению, колонисты каждой колонии составляют мирское, сельское общество, которым управляют: а) сельский мирской сход, состоящий из созывом «не менее одного колониста с каждого двора»; и б) сельский приказ, состоящий из шульца и двух или более бейзицеров, назначаемых по выбору схода на два года, и из писаря, по найму. Предметы ведения сельского схода суть: выборы лиц сельского и окружного управления; увольнение колонистов в другие звания; утверждение условий на вызов священников; рассмотрение просьб и жалоб об общественных нуждах; раскладка податей и повинностей; учет должностных выборных лиц по окончании каждого года и при оставлении должности; исключение и удаление из колоний поселенцев развратного поведения; установление мирских сборов и расходов и т. п. При выборах на общественную службу, каждый колонист на сходе подает свой голос по очереди «кто, кого, к чему избирает»; на кого падет большее число голосов, «те и утверждаются общею всех подпискою и представляются на окончательное утверждение начальства». Сельский приказ заведывает каждым тем селением, в котором он учрежден; он должен иметь заседания не менее одного раза в неделю, по назначению шульца, и вести особые книги: для записки начальственных приказаний и распоряжений, о приходе и расходе сумм и сборов; для внесения частных жалоб, исков и споров и состоявшихся по ним постановлений. Но «никакое положение приказа не должно быть

признано за законное, если по нем дело не было слушано, суждено и решено всеми членами вообще». Шульц ответствен за благоустройство и благочиние в колонии, а также за исправное поступление всех сборов; он ведет счета как этим сборам, так и вообще всем общественным суммам, печется вообще о нуждах общества и предлагает их на обсуждение схода, которого он председатель. Виновные в проступкахх поселяне подвергаются взысканиям

¹⁾ *Поли. Собр. 1600 (19562), 1801 (19873) и 1803 (20811).*__

-683-

по приговору шульца, но не иначе как с согласия «лучших людей» в обществе, или же с разрешения окружного приказа. Вне закона или без особого мирского приговора недопускаются никакие сборы или поборы с колонистов.

По окружному управлению, колонии соединены в округа и в каждом округ состоит особый окружной приказ. Сельский приказ такой колонии, которая, по местным обстоятельствам, не могла войти в состав округа, действует во всем на правах приказа окружного. В обоих случаях приказ составляют: окружный голова и два или более бейзицеров, избираемых окружным обществом — первый на три, а последние — на два года. При каждом окружном приказе состоит писарь, большею частью с помощниками. Писаря определяются попечительством по соглашению с окружным головою. Предметы занятия и порядок делопроизводства и счетоводства в окружных приказах те же, какие установлены для приказов сельских, с тою только разницею, что ведомство первых, как высшей по всем делам инстанции, обнимает все причисленные к округу селения. На этом основании, голове подчиняются шульцы, но и он, подобно шульцу, обязан отчетом пред избравшими его обществами. Голова имеет власть наказывать виновных поселян денежными штрафами, арестом и публичною работою, но только с согласия шульца; наказание же телесное допускается не иначе, как по особому в каждом данном случае разрешению главного местного начальства. Ссоры и иски, неоконченные в сельском приказе, переносятся, по жалобе одной из сторон, в приказ окружный, а отсюда уже, в случае неудовольствия кого-либо из сторон, дела поступают на окончательное решение главного местного начальства, с которым окружный приказ сносится непосредственно.

Наконец, были определены особые смотрители колоний. Они, проживая на местах — каждый в своей дистанции — должны содействовать главному местному попечительству «к вящему улучшению благосостояния колонистов и, не вводя произвольно никаких распоряжений», сохранять между поселенцами «надлежащую подчиненность к начальству всегдашним наблюдением, чтобы учрежденный в колонияхх порядок неизменно был сохраняем», о всяком же нарушении этого порядка доносить по начальству. По мере развития колоний, сверх обязанности надзора за правильным ходом общественного самоуправления сверх производства местных дознаний, следствий и т. п., к ведомству смотрителей колоний отошли все те обязанности попечительства,

-684-

которые истекали из соприкосновения дел колонистов с общими властями—полицейскими, административными и судебными, как-то: депутатствование при следствиях, при решении дел в общих судебных местах, и т. д.

По точному смыслу приведенных инструкций, цензом, по участию в сходе и по выбору лиц колонистского общественного управления, является «двор, хозяйство». Но что же разумеет закон под этими терминами?

Чтобы ответить на этот вопрос и выяснить важное значение второго отдела инструкций 1800 — 1803 гг., установившего систему хозяйства в колониях, нам необходимо возвратиться к закону 19 марта 1764 г.

До новейшего времени, законодательство наше вовсе не касалось частного внутреннего распределения между крестьянами данных им в надел земель; оно предоставляло это дело обычаю, усмотрению самих обществ. Иная постановка дана этому вопросу вышеприведенным колонизационным законом, с содержанием которого читатель уже знаком. Сущность этого закона заключается в том, что он приурочил угоды посемейного надела колонистов не к

«семье» или «душе», а к «двору» или «хозяйству», разумея под последними терминами посемейный надел нормального размера с хозяйственным на нем обзаведением. Прочитав с вниманием указываемый нами закон, всякий легко убедится, что основная мысль законодателя состояла в том, чтобы каждая семья получила все угодья нормального надела в одном обрубе, чтобы в этом виде участок, образуя с хозяйственными обзаведениями «двор», «хозяйство», оставался из рода в род в нераздробленном и единоличном распоряжении одной только семьи или главы её, и чтобы распорядитель двора был, по возможности, полным хозяином по эксплуатации участка, не лишая однако общества прав владения на землю и решительного голоса во всех тех случаях, когда личный произвол участка хозяина мог бы быть несовместным с интересами общины - землевладельца. Выражаясь иначе, закон 19 марта 1764 г. вводил в тесные пределы поселянского «двора - хозяйства» начало единоличного пользования, как лучший, более энергический двигатель хозяйственного успеха. Подчинив это начало принципу общинного землевладения, тот же закон гарантирует как целостность и самобытность каждого отдельного хозяйства, так и всегдашнее преобладание общинного принципа над произвольными поползновениями личного начала, которое «не имеет власти участков своих ни продать, ни заложить, ни в дробные части разделить»

-685-

с тем, чтобы участки эти оставались «нераздельно во власти той деревни».

Мы позволим себе называть эту комбинацию поселянского землевладения—*лично-общинною* или просто *мирскою*, в отличие от господствующих двух систем: *обычно-общинной*, которой держится огромное большинство наших крестьян, — и *личной*, основанной на праве полного частного владения.

Посмотрим же, как применялась на деле созданная, повидимому, вновь сельско-поземельная комбинация.

Привести ее в действие в поволжских колониях правительство, повидимому, и не пыталось. Почему, — это понятно. Прошло не мало времени, пока общие неурядицы низового Поволжья уступили место более нормальному состоянию дел, пока насущная нужда успела вынудить наши «подонки Германии» взяться серьезно за земледельческий труд и прочное устройство своего быта, и пока выработались здесь элементы здорового земледельческого сословия, сложившагося в более или менее органически сплоченные, сельские общества. Когда же, наконец, должна была наступить эта, давно желанная пора, тогда оказалось, что прежняя неурядица стерла все следы первоначального распределения населения и его земельного надела. Недосчитывались целых сельских обществ или колоний; наличное население,— рядом переходов из места в место,— основало свою оседлость по своему, так что если колония и существовала под прежним названием, то первоначального населения там уже почти не было: оно или исчезло неизвестно куда, или вымерло, или перешло в иные колонии, уступив свое место другим колонистам. Вследствие того, перепутались и поземельные условия. В колониях, где почему-либо накопилось большее число поселенцев, им не доставало земли, вообще же образовались колонии, по большей части, очень многолюдные, так что в настоящее время численность населения отдельных колоний доходить даже до 6,000 душ обоего пола. Напротив, в опустелых селениях оказывался значительный избыток земли. Отсюда возникали споры, драки и тяжбы из-за границ общественного землевладения, которыми, как равно и хаотическим состоянием счетов казенного долга и незнанием поселенцами русского языка, съумела отлично воспользоваться корыст местных чиновников. В довершение всего этого, общее число поселенцев успело значительно увеличиться, так что, по тогдашним экономическим условиям края, земельный надел и в общем итоге оказывался далеко недостаточным. Колонисты уже в 80-х годах начали постоянно снимать смежные казенные участки из оброка.

-686-

К тому же сами колонистские общества усвоили себе окончательно крестьянский общинный порядок пользования землями, с его срочными переделами угодий на наличное число душ.

В виду всего сказанного, правительство признало невозможным возвратиться здесь к лично-общинному или мирскому распределению угодий надела. Оно предпочло приравнять

поволжские колонии вполне к порядкам крестьянского землевладения, и все дополнительные наделы давало этому водворению уже не на семейство, а на число ревизских душ. Таким образом, нормальный надел поволжских колонистов был установлен: в 1797 г., при предпринятом в то время генеральном межевании, в 20 дес. на душу 5-й ревизии, а в 1840 г. в 15 дес. на душу 8-й народной переписи ¹⁾. Соответственно этому и манифесту 1763 г., поселенцы эти с 1809 г. уравнились с крестьянами в податях и повинностях, сохранив за собою одну свободу от повинностей рекрутской и военно-постоянной.

Иначе сложились поземельные условия колонистов с.-петербургских, рибенсдорфских и беловежских. У них правительство стремилось дать возможное применение закону 19 марта 1764 г., особенно в петербургских колониях, которые имели назначение «служить примером в благоустройстве и сельском домоводстве» для колонизации прочих местностей империи ²⁾. Но и здесь отвод всех угодий надела каждой семье «особо», т. е. в одном обрубке, встретило непреодолимые препятствия, с одной стороны, в разнообразии местных почвенных условий, а с другой, в разных весьма существенных неудобствах в отношении внешней безопасности, общественного благочиния, школы, церкви и т. д. Ни одно поселенческое общество не согласилось основать свою усадебную оседлость в разбивку, каждому двору на своем обрубном участке. Против такого порядка поселенцы приводили массу возражений, и, между прочим, неодинаковость почвенных условий, отсутствие или дальность воды, неудобства посещения школы и церкви; затруднительность взаимной защиты и ограждения полей от потрав; рискованность для хозяина терять разом весь урожай от градобития, пожара и др. случайных бедствий и т. д. Наконец, надел собственно петербургских колонистов, получивших по 30—35 дес. на семейство, состоял, по преимуществу из угодий, требовавших таких трудов и, пожертвований, которые не были по плечу отдельным хозяевам, а уступали

¹⁾ Полн. Собр. Зак. 1802 (25,556) и 1840 (13,255).

²⁾ Полн. Собр. Зак. 1802 г., Т. XXIV (18,006).

-687-

только дружным усилиям целого общества, и то не сразу. Приходилось вырубать сплошные леса, очищать поля от пней, высушивать болота и т. д. При таких условиях, все общества петербургских колоний распорядились своим наделом так: из общего пространства были вырезаны а) сплошная усадьба для целого поселения, из которой каждая семья получила свое дворовое место с огородом, садом и т. д., по уравнительному разделу; б) общий выгон, с присоединением сюда, по возможности, всех «неудобных» угодий, и в) лесные угодья в общее же пользование целой колонии. Затем оставались сенокосы и пахатные поля. Эти уже угодья, соображаясь с доброкачественностью почвы, разстоянием полей от усадьбы и с другими местными условиями, были разбиты на более или менее значительное число полей; в каждом поле, а также из сенокоса, всякий отдельный двор получал свой пай по уравнительному переделу. Самая система хозяйствования устанавливалась по усмотрению не отдельных хозяев, а общества или схода.

Да тут нет ничего нового, скажет иной читатель: все это существует точно также и в нашей крестьянской общине.

С первого взгляда такое замечание не лишено, повидимому, справедливого основания, тем более, что и в наилучше устроенных колониях, не исключая даже меннонитских, пай каждого колонистского двора разбросан нередко в 20 — 30 различных полях. Но, всматриваясь в дело ближе, мы найдем следующие, весьма существенные различия в двух системах мирской и общинной. Во-первых, обычная община делит и переделывает свои угодья на пай по числу душ; здесь, по мере увеличения населения, пай эти становятся меньше и меньше, так что поселянский двор не представляет ничего нормального даже в том случае, еслиб не существовало вовсе разделов семьи. Напротив, мирская система, не обращая никакого внимания на численность душ, по отношению к угодьям надела знает только двор - хозяйство, и притом на данное количество угодий только одно, однажды навсегда определенное число дворов нормального размера; она выделяет пай двору-хозяйству «независимо от числа душ в семье», так что количественный и качественный итог этих паев всегда один и тот же, а если и встречается изменение собственно в размерах отдельного пая,

то только вследствие такого изменения всей системы мирского хозяйства, которая требует иного распределения пахатных полей. *Во-вторых*, в порядке наследования обычная, община делить не только движимость, но и

-688-

строения, земледельческие орудия, скот, одним словом все хозяйственное обзаведение, соображаясь исключительно с числом и личными правами наследников; она признает за каждым членом семьи безусловное право на *непосредственно личное пользование*, как земельным душевым паем общественных угодий, так равно и соответствующую частью хозяйственных обзаведений и инвентарного имущества поселянского двора ¹⁾ Напротив, мирская система, по точному смыслу закона 19 марта 1764 г., допускает к разделу между наследниками или членами семьи одну, лишь движимость, поселянский же «двор-хозяйство» она сохраняет, из рода в род, нераздельно в единоличном распоряжении кого-либо одного из семьи, и с тем притом, чтобы двор-хозяйство, сделавшийся почему либо вакантным, переходил исключительно только к одному из тех ближайших родственников умершего хозяина, «которые собственных участков не имеют». *В-третьих*, в обычной общине, вместе с возрастанием населения, растет и число поселянских дворов, а с ними и численность представительства на мирской сходке. Напротив, при мирской системе собираются на сходе «колонисты не менее одного с каждого двора» и выбираются на должности общественной службы исключительно одни колонисты, «имеющие свое собственное хозяйство». Следовательно, здесь численный состав сельского схода и число правоспособных поселян для выборной службы, ограничены определенным цензом, не подлежащим *de jure* никаким колебаниям и переменам, не смотря даже на возрастание численности населения сельского общества.

Но эти, указанные нами, правила лично-общинной системы правительству удалось, в течение прошлого века, поддержать у одних только с.-петербургских колонистов, у которых они с того времени и вошли в обычай, за исключением, впрочем, права миноратства, безусловно отвергнутого всеми поселенцами. Что же касается до колонистов рибенсдорфских и беловежских, то они, приняв земельный надел посемейно —

1) Тверской корреспондент одной из наших газет, говоря о ходе, в 1867 г., дел в волостных и общественных управлениях, сообщает следующий факт: «мужа делят с женою; три брата, во избежание греха, также разделяются, хотя у всех их одна изба, одна плохая житница, один худой сарай, одна лошадь, часто одна корова и т. д. По приговору общества, с разрешения волостного правления, дают одному брату избу и овец, другому — житницу и лошадь, третьему — сарай и корову, и оказывается, что у каждого брата по кухарке с ребятами, нет ни у которого свободной работницы, и одному не на чем работать, другому негде жить, а третьему — и негде жить, и не на чем работать».

-689-

первые в размере 65, а вторые 30 дес., — были предоставлены затем вполне действию их «местного обычая».

Объ экономическом положении меннонитов в Хортицком урочище мы выше привели отзыв Контениуса. Прибавим только что меннонитские общества, основываясь в степях, имеющих слишком мало общаго с угодьями петербургской губернии, распределяло тем не менее свой надел совершенно в том же порядке, как и петербургские колонисты. Здесь и там существовал уже в исходе прошлого столетия один и тот же порядок внутреннего распределения всех угодий надела, а поселянский двор - хозяйство имел совершенно одинаковое значение, как в хозяйственном, так и в семейно-общественном быту. Принцип мирского землевладения, *de jure*, неизвестный меннонитам за границую, оказался, однако, вполне солидарным с их общинно-религиозными воззрениями и с порядками их церковного благочиния. С другой стороны, начало единоличного пользования поселянским двором — хозяйством вполне соответствовало требованиям меннонитской культуры. Потому, начало это, будучи приведено в неразрывную связь с господствующим общинным принципом, доставило меннонитским обществам полную возможность выработать окончательно ту систему лично-общинного хозяйства, существеннейшие основные положения которой установил уже закон 19-го марта 1764 г.

В несомненности преимуществ лично-общинной системы, поселянского землевладения и хозяйства правительство не могло не убедиться из анализа тех результатов, до которых дошли колонисты с.-петербургские, рибенсдорфские и особенно беловежские. Никаких земельных запасов при этих водворениях не было оставлено, а между тем численность населения, путем естественного народождения, возрастала быстро. Жалобы на недостаточность надела стали поступать прежде всего от петербургских и беловежских поселенцев. Оно и понятно: они, как сказано, получили в обрест по 30—35 дес.

Еще указом 17 августа 1793 г., 57 семьям с.-петербургских колонистов ямбургского уезда, в числе 273 обоого пола душ, было разрешено переселение в Екатеринославскую губ. Вслед за тем, признано было полезным и возможным допустить раздел двора нормального размера, но «неиначе как с дозволения начальства, при чем головы и шульцы должны смотреть, чтобы таковые дележи служили в прямую пользу поселян, а не к разстройству их хозяйства, и для того, представляя о желающих делиться, они должны именно объяснять

-690-

добрую волю на то родителей или родственников, также достаточно ли отделяемому будет на составление хозяйства земли, орудий и скота; и словом, должно при семь случае непременно наблюдать, чтобы у перваго хозяйства удержано, а у последняго заведено было с успехом»¹⁾. На этом основании, уже к 1806 г. почти все дворы четырех петербургских колоний были разделены—каждый на два самостоятельных хозяйства. Но, на этом дробление остановилось; половинный двор первоначального надела сделался здесь нормальным и таким он остается до настоящего времени, так как дальнейший раздел общества признают положительно вредным в хозяйственном отношении. Соответственно этому, общества с.-петербургских колоний допускают раздел семейств по ревизии только в двух случаях: а) когда семья приобретает в черте общественного владения, сверх собственного, еще другой двор; но в этом случае раздел для семьи даже обязателен, так как соответствующее закону 19 марта 1764 г. обычное право поселенцев вполне усвоило себе правило, в силу которого одна и та же семья, неразделившись, ни в каком случае не должна владеть одновременно двумя или более дворами-хозяйствами в черте общественного землевладения; и б) когда часть семьи, излишняя во дворе, пожелает совершенно выбыть из состава сельского общества — переходом в другие состояния, другие общества и т. д. Двор умершего хозяина переходит, по праву наследования, в общее пользование его вдовы с сыновьями, внуками и т. д., а если нет в живых матери, то к старшему представителю семьи, который исключительно и признается полноправным хозяином. Все дела по имуществу и опекам на землях, как казенного надела, так и принадлежащих семье в полную собственность — вне этого надела, разрешает, в смысле обычного права, местный приказ колонии обще с сельским сходом. И хотя, по закону, на приговоры схода и приказа могут быть приносимы жалобы, но нам не удалось найти ни одного делопроизводства, похожего на тяжбу о наследственном хозяйстве. Однако, к исходу прошлаго столетия, когда истекала 30-ти-летняя льгота с.-петербургских колонистов, хозяйственное положение их еще не было вполне упрочено, благодаря все тем же общим причинам, о которых мы уже

1) Ст. 173 уст. о кол. Хотя закон упоминает здесь о разрешении «Начальства» и ставит раздел в зависимость от усмотрения «голов и шульцев», но на практике дело это безусловно подчинено, с одной стороны, усмотрению сельского схода, а с другой—разрешению Окружнаго Приказа.

-691-

упомянули. Вредное влияние «земских комиссаров и уездных казначеев» было и здесь положительно доказано; это повело к учреждению особого инспекторства. Вместе с тем, было постановлено¹⁾: а) при удобнейшем для сих колонистов времени и ощутительном поправлении их состояния, доводить поземельный с них оклад, по правилам удельных имений, сначала до трети, а потом до половины дохода с каждой десятины пашенной земли, полагая обыкновенный засев, обыкновенный урожай и обыкновенные цены на хлеб; б) рассмотреть счета, «по каким исчислены казенные долги, и силою высочайшей конфирмации отыскать и потребовать, где следы оных находятся»; и в) отвести на каждое семейство не менее 30 дес.

земли.

Беловежское водворение устроилось в 1765 — 1766 г. из 7-ми колоний, соединенных в особый округ. В том числе, колония «Беловежский городок» была заселена по преимуществу ремесленниками (23 сем.); всего же в округе водворились 147 сем. Им были отведены 3,664 дес., т. е. на 746 дес. менее нормального 30-ти-десятинного надела. Руководствуясь обычаем выделять женатых сыновей в особые хозяйства, каждая семья этих колонистов дробила свой участок по мере образования из ея среды молодых семейств. При всем том не прошло и 30 лет, как нужда в земле для народившагося населения побудила правительство отвести Беловежским колониям еще 821 дес. в 70 верстах от них, из Хрещатинской степи. В 1802 г. выселились сюда 36 молодых семейств коренного водворения, образовавших колонию Хрещатик, Роменского уезда Полтавской губ. Тем временем, обычное в порядке наследования и разделов измельчение хозяйственных земельных участков, перепродажа и переуступка из рук в руки мелких частей нормального двора, и т. д., привели Беловежское коренное водворение, с одной стороны, к крайне неравномерному распределению угодий между хозяевами, а с другой — к тяжбам, ссорам и искам «для всех вообще раззорительным». Для устранения этих неудобств, в 1800 г. ²⁾ последовало распоряжение: 1) довольствоваться Беловежских колонистов землей по 30 дес. на каждое семейство, полагая по 4 души муж. пола в семье, а всего 160 сем. и соответственно сему прирезать им удобной земли еще 1805 дес., и 2) подчинить эти колонии ведению новороссийской конторы опекуновства

1) Полн. Собр. Зак. т. XXIV (18,006).

2) Вмс. конф., 21 авг. 1800 г., доклад прав. сената.

-692-

иностранцев. Означенный дополнительный надел состоялся в следующем 1801 г., но он послужил только поводом к новым, еще большим раздорам. Неравномерное распределение первоначального надела дошло до того, что действительное владение двора колебалось между $\frac{1}{4}$ и 35 дес. во всех мелких степенях, и, сверх того, имелось до 13 семейств вовсе без земли. Къ тому, в 1806 г., числилось здесь уже не 160, а 194 семейства. Главы тех семейств, которые являлись представителями старших линий в потомстве первоначально поселенных в Беловежских колониях 147 семейств, доказывали преимущественное право свое на полный 30 дес. надел и требовали дополнения их участков до этого размера, предоставляя остаток дополнительного надела к уравнительному распределению между младшими семьями. Последние же, отвергая это домогательство, настаивали на уравнительном переделе на наличное число семейств всего надела — старого и нового. Обе партии были более или менее равны по силам и упорству, а потому, все попытки со стороны конторы опекуновства — покончить дело путем миролюбиваго соглашения — были тщетны. Наконец, высшее правительство, вынужденное полнейшим разстройством всего водворения и обременяемое нескончаемыми жалобами и дразгами, разрешило в 1830 г. переселение отсюда 131 семейства в Екатеринославскую губ. Они образовали там пять особых колоний с наделом в 60 дес. на семейство и вошли в состав мариупольского колонистскаго округа. Оставшиеся на месте семьи, образуя по прежнему семь колоний, должны были принять к руководству те же порядки, какие установились во всех немецких колониях, наделенных землей посемейно.

С этого времени внутренняя вражда в коренном Беловежском водворении прекратилась совершенно и более уже не возобновлялась, хотя по 10 ревизии (1857 г.) числится здесь уже 205 сем., в составе 1,133 муж. пола душ.

Совершенно те же результаты, при действии однородных порядков, мы позже встречаем и у рибенсдорфских колонистов. Вот что сказано об них во всеподданнейшем отчете воронежскаго губернатора за 1831 г.: «Состояние рибенсдорфских колонистов не цветущее, земля в колонии первоначально была разделена на равные семейственные участки, числом 65. Хотя семейства сии впоследствии времени увеличились до 140, но количество владимой ими земли остается одно и то же и земля, как наследственная, передается в каждом семействе своему потомству, делясь на 2, 3, 4 и более участка. Иные

-493-

из сих участков перешли с давнего времени, посредством продажи, в другие руки (т. е. отчуждены от потомства родоначальной семьи), некоторыми владеют вдовы по смерти мужей своих и потому передают своим, а не мужниным родственникам. Следовательно, иные семейства, кои не так еще размножились, избыточнее по своему состоянию и владеют землею в большем количестве, а другие, напротив, разделяясь на 5 — 6 новых семейств и оставаясь на одном наследственном первоначальном участке, терпят крайний в земле недостаток. Таковых семейств во всей колонии находится до 30, не могущих без отягощения оплачивать следующие с них повинности. Поравнять же их в количестве земли не предстоит возможности, ибо одним земля сия принадлежит по праву наследства, другим — по праву приобретения покупкою; у иных она занята садами и огородами; другие обратили оную под разные заведения или сенокосы. Отсюда возникало множество споров, несогласий и судных дел». Дела эти доходили нередко даже до правительствующаго сената, так как рибенсдорфские земли надела, совершенно эманципировавшись от основного принципа мирскаго владения, получили характер как бы полной частной собственности, и потому тяжбы велись по праву вотчинному, т. е. в наиболее сложном процессуальном порядке. По поводу указанного заявления губернатора завязалась административная переписка, оконченная в 1852 г. переселением 30 беднейших семейств рибенсдорфских колонистов в Черноморье, где они устроились особою колониєю, близъ г. Ейска. Но мало помогло это выселение. Рибенсдорфское общество остается при сложившемся путем обычая поземельном устройстве и, продолжая держаться обычая в делах наследования, разделов и т. д., и до сего времени не может, хотя приблизительно, сравняться по благосостоянию и благоустройству даже с теми поселенцами, которые водворились в России только в нынешнем столетии и воспользовались меньшими льготами, преимуществами и выгодами. В законе сказано¹⁾: «Все отведенныя под поселение колонистов земли присвоены им в неоспоримое и вечно-потомственное владение, но не в личную кого-либо, а в общественную каждой колонии собственность», с тем однакоже, что «колонисты не могут ни малейшаго участка из земель их, под каким бы то видом не было, ни продавать, ни уступать и никаких на то

1) Ст. 159 и 160 уст. о кол. ч. 2, Т. XII, изд. 1857.

-694-

крепостей совершать, дабы оные земли никогда в посторонние руки достаться не могли». Воспользовавшись этим законом, управлению государственных имуществ удалось достигнуть в Рибенсдорфе но крайней мере одного весьма немаловажнаго результата, именно: не трогая установившагося внутренняго распределения угодий колонии, управление возстановило здесь силу мирскаго принципа в том отношении, что оно предоставило разбирательство и разрешение частных споров о поселянской земле самому обществу, как действительному, законному владельцу всех отведенных колонии угодий. Вследствие того раззорительные тяжбы рибенсдорфцев по всем судебным инстанциям совершенно прекратились.

Для полноты сделаннаго нами краткаго обзора немецкой колонизации, остается сказать еще несколько слов о водворенных в Новороссийском крае колонистах — иозефстальских, данцигских, шведских и ямбургских.

Иозефстальские колонисты выехали из окрестностей г. Данцига одновременно с первым меннонитским транспортом, т. е. в 1789 г. Они, в числе 90 семейств лютеранскаго исповедания, были поселены в Новомосковском уезде особою колониєю, названною Иозефсталь. В высочайшемъ рескрипте 2 июня 1792 г., на имя генерал-майора Кохановскаго, было только указано «удовольствовать этих людей ссудою вполы против меннонитов». Вот что писал, в 1799 г., известный нам Контениус: «Были-ли с иозефстальскими колонистами заключены какия либо предварительныя условия — о том следов не имеется. Местоположение колонии весьма хорошее; земля под оною плодороднейшая, пастьбы тучные; словом, колонисты имеют все средства, чтобы быть в избытке. Но, к сожалению, только часть их или в хорошем, или в посредственном состоянии; прочие же, быв прежде в отечестве своим ремесленниками и поденщиками, и не зная обращаться в хлебопашестве, мало им занимаются, к хозяйству не радеют и остаются в бедности и дурно устроенными».

Данцигские колонисты, в 1787 — 1788 гг., были вызваны каким-то коллежским советником

Траппе, равным образом из Пруссии, в числе 510 муж. и 400 жен. пола душ. Контениус нашел из них «разсеянными в шведской и немецкой колониях, в Крыму и Херсоне» уже всего только 111 муж. и 97 жен. пола душ. В вышеприведенном рескрипте 1792 г. об этих поселенцах сказано, что «в разсуждении льготы, они должны пользоваться пожалованною в губ. Екатеринославской

-695-

десятилетнею ¹⁾; а из денег, употребленных на них, уплачивать ту только сумму, которая на наличных причитается». Находившиеся в Крыму 10 и в Херсоне 27 душ снискивали себе пропитание ремеслом или поденною работою. 21 семья, в числе 41 муж. души, были поселены в Елисаветградском уезде особою колониею, названною «Немецкою». Эти поселенцы, за исключением семи хозяев, бывших прежде ремесленниками, матросами и батраками, занимались хлебопашеством прилежно. «В дождливые годы, говорит Контениус, они собирали хлеба достаточно, при обыкновенно же случающихся там засухах лишаются даже семян. Вообще положение сих колонистов таково, что они с нуждою одно только бедное пропитание получают, а некоторые, по нерадению своему, и насущного хлеба не имеют». К тому же «от худой воды в запрудах, которая наполняется летом червями и получает худой запах, поселенцев этих ежегодно одним или двумя человеками более умирало нежели рожалось». Остальные 14 сем. Данцигских колонистов пребывали в кол. шведской, пользуясь одинаковыми правами с коренным населением. Но изъ числа их только два семейства отличались достатком и прилежанием; остальные были «ленивы, к хозяйству нерадивы и в худом состоянии».

Шведские колонисты были переведены сюда, в 1787 г. с острова Даго, в числе 904 обоего пола душ. К 1799 г. Контениус нашел в их колонии уже не более 74 муж. и столько же жен. душ, в числе 22 семейств. Все остальные «в дороге и в колонии померли от болезней, происшедших частью от перемены климата и худой необыкновенной пищи, а частью от неимения домов и от недостатка в других необходимо нужны потребностях». Сюда же была переселена, по распоряжению князя Потемкина, партия пленных шведов в 31 чел. Но к ревизии Контениуса из них оказалось на месте не более двух семейств; прочие «или вымерли, или ушли».

«Шведские колонисты и пленные шведы, отзывается Контениусъ, к земледелию и вообще хозяйству прилежны и рачительны; но место их поселения высоко, от чего хлеб выгорает и получают не редко одни семена, иногда же и их лишаются. К тому же суслики (овражки) причиняют полям великий вред. Напротив, пастьбы тамошния весьма хороши. Колонисты с успехом упражняются в рыбной ловле, от чего

1) Т. е. общею льготою, дарованною в то время всем переселенцам, не исключая русских крестьян.

-696-

получают посредственный доход. На каком основании они поселены — казенная палата у себя ничего не нашла».

Наконец, ямбургские колонисты, прибывшие в 1793 г. из с.-петербургской губ., были размещены сначала между жителями казеннаго селения Кайдана. Здесь они оставались безъ малаго два года «при совершенном недостатке во всем потребном, от чего случившимися болезнями число их умалилось с 273 до 239 душ». Контениусъ нашел их поселенными особою колониею, под именем Ямбургской, в 17 верстах от Новороссийска. «Часть земли колонии хороша и удобна, говорит Контениус, другая же песчана и камениста. Состояние колонистов весьма худое; самая одежда их изъявляет бедность и недостаток. Земледелием занимаются не все, ибо некоторые от покражи и падежа лишились купленного для них скота; другие, болезнию пришед в нищиту, скот свой продали, так что 11 сем., за неимением онаго, в земледелии упражняться не могут. Много и таких находится хозяев, кои, сыскивая прежде себе пропитание работою на суконной ямбургской фабрике и не приобыв к хлебопашеству, остаются до ныне дурными земледельцами».

IV.

Порывшись в разных захолустьях обширнаго нашего отечества и насмотревшись на далеко

нерадостные картины хозяйственного быта той части нашего сельского состояния, которой льготы, права и преимущества составляли предмет справедливой зависти русского крестьянина, мы невольно спрашиваем себя: каково же во второй половине прошлого и в начале нынешнего столетий, было положение этого крестьянина, если он не без основания бросал завистливые взгляды на своего соседа-колониста?...

Понятно, что о крестьянах, томившихся под крепостным игом, нам и упоминать нечего; они, по тогдашним понятиям огромного большинства нашего образованного общества, были в полном смысле слова не иное что, как безответные «подлые рабы-холопы». С потрясающей душой судьбою «холопей», в параллели с положением «государевых черных людей» любознательный читатель знаком, или легко может ознакомиться, по историческим исследованиям о древней Руси гг. Чичерина, Беляева и других. Поэтому мы коснемся несколькими словами только сословия государственных крестьян, или прежних «государевых черных людей» за последнее столетие.

-697-

Императрица Екатерина II обратила, в 1763 г., до 900,000 крестьян, принадлежавших в крепость монастырям, в число государственных ¹⁾, и меру эту всякий, не задумываясь, назовет весьма существенным улучшением быта этих людей. Посмотрим же, что в данных обстоятельствах приходится признавать иногда за лучший жребий.

По издании учреждения о губерниях, государственные крестьяне, как и иностранные колонисты, в хозяйственном и финансовом отношении были поставлены в зависимость от казенных палат, а в полицейском — от земских судов. Вместе с тем, им было даровано право иметь собственные свои суды, под именем нижней и верхней расправ, в которых председатели назначались от правительства, а заседатели от сельских обществ, по их выборам. При заселении Новороссийского края был сделан даже опыт учреждения общественного сельского управления, котораго в прочих местностях империи нигде в то время не существовало. С этою целью, в 1787 г., было издано особое учреждение сельского порядка в казенных селениях Екатеринославского наместничества. В учреждении этом с замечательною последовательностью было проведено начало разделения властей: наблюдательной, исполнительной и судебной; начало же финансовое занимало здесь второстепенное место. В то же время переселенцам дарованы были льготы в податях и повинностях и предоставлены в их пользу доходы с продажи нитей. Екатерина II лично занималась даже проектом общего устройства государственных крестьян и намеревалась дать этому сословию особую грамоту, подобно тому, как дарованы были грамоты дворянству и городам. Но императрица скончалась и намерение это не осуществилось.

Между тем необходимость устройства государственных крестьян с каждым годом становилась более настоятельною. Император Павел, по восшествии на престол, желая немедленно приступить к устройству государственных крестьян и улучшению сельского хозяйства вообще, учредил для этой цели под начальством генерал-прокурора, известную уже нашим читателям «Экспедицию государственного хозяйства, опекунов иностранных и сельского домоводства». Под её наблюдением производились упомянутые нами выше ревизии колоний и, по преимуществу, ей же трудам колонисты обязаны прочным устройством

¹⁾ *Обозрение деятельности М-ва Г. И. с 1836 по 1866. Спб. 1867. Отсюда заимствованы нами все сообщаемые о государств. крестьянах сведения.*

-698-

их быта. Что же касается общего вопроса, то экспедиция успела только составить предположение об учреждении волостей. Как ни полезно было это учреждение для водворения порядка в селениях, но отсутствие высшего хозяйственного управления поставило волостные учреждения в зависимость от земской полиции и сделало из них новое орудие притеснения крестьян. Император Александр I, в манифесте 1810 г., объявляя о притеснениях, терпимых государственными крестьянами от чиновников земской полиции, торжественно обещал принять меры к устройству и ограждению их. Но, вскоре за тем, дела внешней политики отвлекли к себе все внимание правительства.

Однако не одни политические дела постоянно тормозили благие и самые искренние намерения монархов в отношении улучшения быта крестьян. Главнейшим тормозом являлось повсюду и во всем крепостное право, ревниво следившее за всякими попытками и упорно предупреждавшее всякия меры даже в пользу государственных крестьян, из опасения, конечно, что улучшение быта последних усилит неминуемо неудовольствие и ропот крестьянина крепостного.

Сельское управление основывалось на общественном начале, сохранявшемся искони; но, разными частными постановлениями, состав сельских обществ был поколеблен и селения раздроблены в административном отношении на различные участки. Управление состояло: из старосты, или «сборщика податей», смотрителя магазина или «сборщика запасов», рекрутского отдатчика, обязанного «сбором и сдачею рекрут», и сотских, распоряжавшихся «нарядом подвод и людей»; но сельского начальства не было.

Таким образом «сборщики» составляли внутреннюю сельскую администрацию многих миллионов народа. При такой системе общественного управления, крестьяне подвергались повсеместно притеснениям и поборам, ибо переходя от одного сборщика к другому, они не имели в целом составе сельского управления никого, кто бы по праву и обязанности мог оградить их от неправильного и безотчетного требования сборщиков.

Таково было в главных чертах управление крестьянами. Хозяйственное их устройство находилось не в лучшем положении.

Не было ни планов, ни верных сведений о количестве зладеемых крестьянами земель: правительство не знало о их нуждах и не могло им помочь.

-699-

Еще, в 1812 г., обратило на себя внимание правительства крайнее во многих местностях малоземелие крестьян, и хотя переселение их, мерами правительства, продолжалось безостановочно с 1787 г., но тем не менее, к 1837 г., более 275 т. душ имели земли по 2 дес. на душу, 212 тыс. — по 1 дес., до 60 тыс. менее 1 дес. и до 63 тыс. душ не имели ни земли, ни обзаведения.

Нуждающиеся поселяне нанимали землю у помещиков; другие нашлись в необходимости переселиться вовсе на владельческие земли, уплачивая двойную подать и владельцам и казне. Наконец, массы народа оставляли свои селения самовольно и шли по произволу в другие губернии искать свободных земель; одни захватывали земли где могли; другие без успеха возвращались на прежние места и должны были снова обзаводиться.

С другой стороны, на новых местах о самовольных переселенцах не было никакого сведения, а на старых продолжали показывать их на лицо и насчитывали на общества огромные недоимки. Так, в одной Курской губернии было открыто недоимок 402,568 руб. сер. на переселенцах, давно уже вышедших в другие места. Наконец, и переселившиеся, по распоряжению правительства, крестьяне иногда весьма долго должны были ожидать на новых местах отмежевания и отвода земли, оставаясь в это время без приюта и способов содержания. Иногда медленность в назначении и отводе участков бывала так значительна, что истощала терпение крестьян и принуждала их возвращаться на прежние места жительства. Такие примеры невнимания к устройству переселенцев со стороны местных властей, — мы видели выше и на иностранных колонистах, целыми годами выжидавших отвода им земель.

Крестьяне коренных мест поселения находились не в лучшем положении. Удобнейшим мерилом крестьянского благосостояния может всегда служить больший или меньший успех в поступлении с них сборов. Но эта часть издавна отличалась крайнею неисправностью. «Вследствие злоупотребительных поборов земских полиций,—сказано во всеподданнейшем отчете, которым мы пользуемся, говоря о крестьянах, — все средства сельских обывателей были поглощаемы этими поборами, а на долю казны оставались одне недоимки.» Так, в 1814 году, было сложено 30 милл. рублей асс. податей, а в 1818 г., т. е. чрез 4 года после сложения, накопилось вновь недоимок до 96 милл. рублей ¹⁾. С 1826 по 1836 годъ с государственных крестьян

1) Полн. Собр. зак., 7-го ноября 1818 года (27,572).

было сложено, по высочайшим манифестам и особым высочайшим повелением, 17 милл. руб. сер., и не смотря на то, в ведомство министерства имуществ крестьяне эти были переданы в 1839 году с податною недоимкою более 18-ти милл. руб. сер.

Из представленной, в декабре 1841 года, управлявшему министерством внутренних дел, графу Строганову, записки бывшего губернского предводителя дворянства Полтавской губернии, впоследствии сенатора Капниста, видно, что недоимка с государственных крестьян и казаков Полтавской губернии, возрасла с 1812 года, когда она составляла только 61,565 руб., к 1817 году до 6,879,122 руб. Хотя с 1815 по 1831 г. в разное время было сложено с государственных крестьян и казаков Полтавской губернии около 16 ½ милл. руб. податной недоимки, однако к 1839 году, на них все еще числилось ее более 5 ½ милл. руб. Относительно мер к взысканию податей и недоимок—Капнист говорит следующее: «Движимость, скот и овцы, одежда и рублища поселян были продаваемы съ публичнаго торга на базарах и ярмарках; сами же поселяне были подвергаемы жестоким телесным истязаниям. В течение этого несчастного времени, бедность казаков достигла до такой степени, что на девять хозяев считалась одна пара волов, а земли оставалось не более 2 ½ дес. на душу. В продолжение этого времени возникло и постепенно увеличилось число казаков совершенно безземельных, которые составили впоследствии большую тягость обществу, обязанному за них уплатою податей. Поселяне здешняго края, так сказать, боролись с угнетавшими их обстоятельствами, сохраняя нравственность, трудолюбие и безкорыстие своих предков; но когда все вспомогательныя средства их истощились, когда, наконец, они вынуждены были крайностью сорвать с жен и дочерей своих, служившие им вместо Ожерельев, серебрянные рубли и империалы и отдать оные в уплату податей и недоимок, тогда веселость народная, трудолюбие и безкорыстие естественно заменились унынием, бездействием и другими пороками, имевшими самое пагубное влияние на нравственность народную. Если принять в соображение совершенный произвол в распределении податей, отсутствие всякаго порядка во взыскании оных и полную безотчетность в взысканных суммах, тогда с ясностью откроется степень безобразнаго положения в это время сих важнейших установлений государственнаго хозяйства. С утвердительною сказать можно, что в то время каждый поселянин находился в совершенной неизвестности, сколько он уплатил податей и сколько

за ним числится недоимки. Всякий учет по этому предмету теряется в хаосе безотчетности и беспорядка.»

Но если таково было положение государственных крестьян еще в 30-хъ годах, то лучшего невозможно требовать и от предшествовавшаго времени.

В таких условиях колонизация наших окраин, и особенно возможно быстрая колонизация Новороссии, представлялась уже в исходе прошлаго века самою насущною государственною потребностью. Поэтому неудивительно, что правительство, в лице лучших своих деятелей, снова ухватило за призыв иностранцев. По крайней мере в отношении их оно не было связано крепостническими путами и соображениями; в их водворениях оно хотя местами видело некоторые утешительные задатки, дававшие право рассчитывать, что съустраниением причинъ и влияний, вредивших лучшему устройству колоний, последние оправятся быстро и получится возможность продолжать дело с большимъ успехом противъ прежняго.

Таковыми, как замечено выше, задатками отличались однако только Сарептяне — в отношении промысловом и по торговле, хортицкие меннониты и отчасти с.-петербургские колонисты. Потому опыт этих поселенцев в делеобщинно-земледельческаго устройства получил особенное значение в предстоявших колонизационныхъ предприятиях. И нужно сознаться, что правительство съумело воспользоваться этими опытами если не вполне, то, по крайней мере, в существеннейшихъ проявленияхъ поселянскаго быта. Таким образом, изъяв все колонии из ведения общих учреждений и подчинив их особым управлениям с властью административнаго попечительства, «земской» полиции, расправы и суда, а также с правами нотарьяльными, правительство в тоже время устроило, как мы знаем, на прочных началах, общественное самоуправление поселенцев, крайними полюсами котораго являются, с одной стороны, главное местное попечительство, как высшая регулирующая и контролирующая

власть, а с другой — община, и в ней поселянский «двор-хозяйство», как краеугольный камень хозяйственного успеха. Значение «двора-хозяйства» в быту колоний известно. Но, в наших глазах, представляется особенною заслугой тогдашнего правительства, что оно, среди окружавшего его хаоса, съумело по достоинству оценить ту лично-общинную поземельную комбинацию, которая, опираясь в основных началах на закон 19-го марта 1764 года, была практически развита и до известной степени уже проверена меннонитами и с.-петербургскими колонистами. Во второй части «инструкции внутреннего

-702-

распорядка и управления»¹⁾, правительство попыталось развить эту комбинацию подробно и применить ее ко всем колониям. Оно предписывало: «дабы везде по колониям земли разделяемы были на три поля и производились испытания о разделении оных на шесть, или на семь полей»; оно дает самые обстоятельные наставления во всех подробностях поселянского, или, вернее, меннонитского хозяйства; наблюдение же за точным исполнением всего предписанного, как и ближайшее руководство в этом деле поселян, оно вменяет в обязанность выборных шульцев и голов. Мы употребили выражение «попыталось» потому, что инструкция увлеклась излишними в законодательном акте и несущественными подробностями. И хотя закон 19-го марта 1764 года, в связи с инструкциями, успели охватить всецело сущность главнейших пружин, обуславливающих силу и целостность системы, но законодателю не вполне удалось вылить эти начала в наипростейшей форме, а один из важнейших в этом случае фактов—порядок наследования остался, по прежнему, несогласованным с обычным кодексом населения. Последнего вопроса мы коснемся подробнее в своем месте, а теперь возвратимся к дальнейшим судьбам собственно меннонитской колонизации.

V

Мы оставили хортицких меннонитов в состоянии горького раздумья об успехе предпринятого ими дела. Раздумье это было не далеко от безнадежного отчаяния. До времени братство не могло, конечно, знать: как и чем высшее правительство признает возможным упрочить дело колонизации, со стороны же местной власти добра нечего было ожидать.

Но вот власть эту вполне заменяет попечительство, входящее самым заботливым образом во все потребности населения; является инструкция, узаконившая окончательно меннонитский общинно-хозяйственный порядок и общественное самоуправление, инструкция, которая в некоторых отношениях превосходит широтою взгляда даже положение 19-го февраля 1861 года и ограждала сельское самоуправление от всякого, хотя бы даже доброжелательного произвола попечительной власти. 150 семейств меннонитов переводятся на Молочные воды, и там вырезывается целая территория — до 120 тыс. дес.—исключительно под меннонитскую

¹⁾ Уст. о кол., раздел V, глава II.

-703-

колонизацию, все же Хортицкое урочище — до 35 тыс. дес.—предоставляется в распоряжение остающихся на месте поселенцев, частью на правах надела, частью в виде записана прибылое население из уплаты в казну по 2 ½ коп. за дес. Частное землевладение отдельных сельских обществ регулируется окончательно, с установлением твердых границ каждой дачи; казенный долг приводится в положительную ясность и неправильно начтенные суммы (до 23 тыс. руб.) слагаются со счетов. «Для лучшего сохранения между поселянами благонравия, порядка и попечительности о хозяйстве» воспрещается «навсегда» иметь в меннонитских колониях, как и в петербургских, «ни откупщических питейных домоѣ или шинков, ни вообще чарочной откупной продажи вина», которая, впрочем, и до этого времени не была допущена меннонитами, как не подчинявшаяся правилам их общинно - церковного благочиния. Наконец, согласно данному меннонитскому братству, еще в 1787 году, обещанию, правительство выдало ему особую всемилостивейшую грамоту¹⁾.

Все эти мероприятия не могли не убедить и иностранцев и наших колонистов в искренности заявлений правительства и прочности дарованных им прав и преимуществ. Повсюду в

колониях сразу обнаружилось веяние иной жизни, иного духа — духа справедливости, порядка и благоустройства. Прежний кошмар, прежние уныние уступили место бодрой деятельности и полной уверенности в светлую будущность. Наконец, такой оборот дела дал толчек новым, в обширнейших размерах, переселениям к нам из-за границы.

Интересуясь, по преимуществу, конечными результатами, до которых дошли меннониты, мы, в отношении постепенного хода их колонизации, будем кратки. Это тем удобнее для нас, что меннонитская система устройства новых колоний, порядка общественного и попечительного их управления и т. д., все это со стороны законодательной власти осталось доселе нетронутым: на свободе и на известных уже нам основаниях — работали сама жизнь, практический смысл населения и его обычные правовые понятия.

Несмотря ни на совершенное отсутствие на Молочне лесов, ни вообще на маловодность всей означенной местности, сюда направилась, по преимуществу, вся дальнейшая иностранная колонизация меннонитов. К тому же из Пруссии стали выезжать к нам уже не одни только несостоятельные люди, но не

1) Полн. Собр. зак. т. XXVI, 6-го сентября 1800 года № 19,546.

-704-

в малом числе и хозяева весьма зажиточные, даже капитальные. Благодаря этому обстоятельству, Молочанский округ сделался главным центром хозяйственной и умственной интеллигенции меннонитов, гордостью и баловнем колонистского попечительства.

В обоих округах — Хортицком и Молочанском — все земли «излишняя» при сельских обществах и «запасная» в пределах окружной территории — оставались в хозяйственном распоряжении самих обществ, из-за уплаты казне незначительного оброка. В начале поселения земли эти давали только ничтожную выгоду. На Молочне праздной земли во все стороны было вволю; одни ногайские владения свободно могли кормить многие десятки, если не сотни тысяч, земледельческого населения; но его там не было, и во всей окружности молочанских меннонитов оно имело своими представителями только разбросанные кое-где русские селения и соседний молочанский колонистский округ, к которому, как к достойному сопернику меннонитов, мы возвратимся еще не раз.

Свободно распоряжаясь колонизацией своих «излишних» и «запасных» земель, меннониты имели ту существенную выгоду, что они близко знакомились с нею. Знакомство это давало им, при устройстве новых поселений, полную возможность вести дело колонизации по общему плану—систематически, располагать угоды каждого отдельного селения, соображаясь с хозяйственными выгодами местности и избегая всякой неуравновешенности и череположности. До 1824 года колонизация эта подвигалась почти исключительно заграничными силами. За это время число колоний увеличилось: в Молочанском округе — до 40, а в Хортицком—до 18. К последним отошла в надел вся площадь Хортицкого урочища, за исключением лишь 2,908 дес. оставшихся под окружную овчарню. С этого времени приселение со стороны здесь прекратилось и началось сплавивание внутри округа населения путем естественного рождения.

С 1820 года, впуск в Россию иностранных поселенцев был вовсе приостановлен, так что дальнейшая колонизация меннонитов производилась уже одними собственными силами наших коренных водворений. Спустя 15-ть лет, Хортицкий округ, вследствие увеличившагося населения, стал нуждаться в земле. Ему отвели в Александровском уезде участок в 9,492 дес., на котором 145 молодых хортицких семейств устроили, в 1836—1852 годах, пять новых колоний; к ним отошел в надел весь участок по 65 дес. на семейство, но только около 1852 года воспоследовало окончательное отделение этого

-705-

водворения из ведения Хортицкого окружного управления. Таким образом, образовался третий меннонитский округ, названный Мариупольским, и с этого времени внутреннее сплавивание населения началось и здесь.

Молочанское общество тоже не сидело, сложа руки. На запасных землях безостановочно возникали новые колонии: в 1828—1839 годах,—пять; в 1842 — 1848 годах—две, и в том

числе известный Гуттерталь наших Радичевских знакомцев; в 1851 — 1857 годах—семь, и наконец, последние три в 1862 — 1866 годах. За тем, при округе оставались из прежних запасов до 31 тыс. дес. Из них до 15-ти тыс. дес. состояли под окружною овчарнею, разными другими заведениями и свободными, а около 16-ти тыс. дес. отошли под пролегающие через округ два солевозных тракта.

Все меннонитския колонии вообще не велики. Обыкновенно они основывались каждая в числе 13—50-ти земледельческих, 65-ти десятинных хозяйств. Многие из новых колоний, по отсутствию проточных водъ и по неудобству запруд, устроились на колодцах. Отдаленнейшие поля отстоят здесь от усадеб не далее 4—5 верст; нарезка-же колонистских дачъ с меньшим сосредоточением угодий встречается только в немногих старых колониях, основанных в то время, когда меннониты не признавали еще возможности добыть воду среди голой, возвышенной степи и довольствоваться целую колонию одной колодезной водою. Нечего, кажется, упоминать, что всякая колония распланирована самым правильным и просторным образом, и что усадьба каждого двора, как равно расположение жилых и хозяйственных строений, их наружный фасад и внутреннее устройство—повсюду одни и те же, отличаясь в частности только большею или меньшею солидностью и обширностью, а также различием строительнаго материала. Усадьбу каждой колонии обвивают лентой—лесныя плантации.

В описанных нами условиях, «дворы-хозяйства» первоначальнаго водворения как прежде, так и по сие время, образуют в каждой колонии земледельческое ядро, неразрывно сплоченное лично-общинным землевладением и пользованием. Выделявшееся мало-по-малу из среды двора молодое поколение обращалось к промыслам, ремеслам, торговле и т. д., образовывало такія же новыя колонии на запасных участках, или занималось хозяйством на собственных покупных и арендных землях, по преимуществу у соседних ногаев. Быстро меннонитския колонии достигли невиданнаго у нас благосостояния и благоустройства. В степяхъ, где прежде не было ни воды, ни куста лесной

-706-

поросли, точно волшебством являлись одно за другим цветущія поселения, здоровая и изобильная колодезная вода, целыя рощи плодовых, тутовых и лесных деревьев; богатые, отлично обработанные нивы, целыя стада овец и отличной породы разнаго скота и лошадей.

Пред нами чрезвычайно любопытная таблица, под заглавиемъ: «Статистическое обозрение колоній, подведомых Попечительному комитету об иностранных поселенцах южнаго края Россіи, по губерніям и округам за 1841 годъ». К сожаленію, таблица эта такихъ размеров, что приложение её целикомъ к журнальной статьѣ неудобноисполнимо. К тому же, как видно из оглавленія, она заключаетъ в себѣ сведения и о колоніях, которыхъ мы касаемся только стороною. По этой таблицѣ, к 1841 году в меннонитскихъ округахъ состояло:

Колоній, населенія и земли в наделѣ.

По 8-й ревизіи 1834 года:

	Колоній	Семейств	Душ		Дес. удобн.
			муж.	жен.	
а) По Молочанскому	44 ¹⁾	1,437	5,272	4,963	72,727
б) » Хортицкому и Мариупольскому	18	670	2,419	2,441	32,789
Итого	62	2,107	7,691	7,404	105,516

На лицо к 1841 году:

	Семейств		Душ		Десят	
			муж.	жен.	На душ	на сем
а) по Молочанскому						
1. Полныхъ хозяевъ с 65 дес. надел.	1,033					
2. Безземельныхъ	1,350	2,751	6,185	5,936	11,6	26,4
3 Ремесленниковъ	368					
б) по Хортицкому						
1. Полныхъ хозяевъ	445					
2. Безземельныхъ	363	1,058	2,993	3,036	11,3	30,9
3 Ремесленниковъ	250					
Итого	3,809		9,178	8,972		

На наличную муж. пола душу приходилось: а) по Молочанскому округу—лошадей 1,4; рогатого скота 1,7; овец улучшенных пород 17,0; б) по Хортицкому округу—лошадей 1,24; рогатого скота 1,7, и овец 21,7.

¹⁾ 45-я колония Радичевцев, сюда не включена.

-707-

Садоводство и лесоразведение	дер. фрукт.	лесных	тутовых	лоз вин.
а) по Молочанскому округу	105,394	116,787	80,760	»
б) > Хортицкому >	40,930	41,342	24,724	450
Итого	146,324	158,129	105,484	450

Шелку было выделано в 1841 году, на Молочне 2 пуда 16 фунтов, в Хортицах—1 пуд 24 $\frac{1}{4}$ фунта.

Пчелиных ульев состояло на Молочне 266, в Хортицах 302.

Промышленные заведения и постройки, школы и т. д.

	Маслобен	Мельниц ветр. водин	Мельниц круп	Печатных станков	Жилых домов	Молитв. домов	Школ	Уч. мальчиков	Уч. девочек	1 уч. на население	Хлебных магазинов	Хлебных запасов
Молочанский	28	41	14	151	1648	8	44	1402	1327	4,4	40	$\frac{1}{2}$ чет
Хортицкий	4	52	5	37	847	5	18	569	496	5,1	18	7/10 ч.
Итого	32	93	19	188	2495	13	62	1971	1823	-	58	-

Общественных капиталов числилось: на Молочне—богоугодного не более 142 р., в Хортицах—богоугодного 47 р. и овцеводного 9,750 руб.

Доходы меннонитов в 1841 году составляли от продажи (Рублях):

	Хлеба	Скота, овец и шерсти	Разных	Итого	На наличн иуж. пола	На душу
Молочанскому округу	82,992	56,555	22,889	162,436	26	2 $\frac{1}{2}$
Хортицкому »	18,533	56,205	3,234	77,972	26	5
Итого	101,525	112,760	26,123	240,408	«	

В том же году меннониты уплатили в казну податей и повинностей: молочанские 9,313 руб. или по 1 руб. 47 $\frac{1}{2}$ коп., и хортицкие 6,437 руб. или по 2 руб. 15 коп. с наличной мужеского пола души. Как ничтожны эти сборы, по сравнению с окладом остальных колонистов, это мы укажем в свое время.

По 1841 год, из молочанских меннонитов в течение предшествовавших 37 лет, а из хортицких в 10-ти летний период, т. е.- в 1831 — 1841 гг., были осуждены за преступления и проступки:

-708-

Молоч. Хортпц.

Против веры.....	>	2
За неповиновение и дерзость против начальства.....	6	>
— Лихоимство.....	>	>
— Упуск арестантов	2	>
— Убийство.....	>	>
— Ослушание против родителей. .	11	>
— Клевету, ябеды и ложные доносы.	10	1
— Прелюбодеяние.....	41	24
— Грабежи.....	>	>

— Воровство и мошенничество . .	9	5
— Завладение и истребление чужой собственности.....	>	>
— Поджоги.....	>	>
— Самовольные порубки леса . .	>	4
— Неисполнение обязанностей при тушении пожаров.....	1	>
— Нерадение к хозяйству ...	16	4
— Междоусобную вражду и ссору.	4	1
— Пьянство.....	1	7
— Бродяжество.....	>	>
— Корчемство.....	5	>
— Невыполнение предписаний начальства	3	17
— Неисполнение договоровъ ...	1	1
— Неисполнение по вексям и заемным письмам	1	1

Итого в 37 лет 100, в 10 л. 78.

В настоящее время в одном Молочанском округе растет более 6 милл. разного рода дерев и кустарников. Каждая колония имеет свою школу, школьный дом и хлебозапасные магазины. Сверх того, меннониты содержат высшие училища — два русских в Хортице и Гальбштадте, и два реальных в Гальбштадте же и Орлове на Молочне. У них имеются: два вольнонаемных врача, фельдшеры и бабки.

Все три округа, или иначе «Новороссийское меннонитское братство», давно уже составляют страховое от огня общество, в котором обязательно застрахованы строения братства в сумме более трех милл. руб. сер.; страховые правила установлены Самим братством, без всякого участия попечительства. Никаких страховых премий здесь не существует, а раскладывается

-709-

пожарный убыток, в каждом данном случае, уравнительно на не подвергавшееся пожару страховое имущество всего братства, а погорелец, не дожидаясь поступления сбора, удовлетворяется немедленно из свободных общественных сумм. Делаются здесь попытки страховать и движимость: скот, хлеб, земледельческие орудия, товары, поля и т. д. от пожара, падежа и градобития, но в каком именно положении это дело — нам неизвестно.

На удовлетворение погорельцев было взыскиваемо по раскладке с каждой ста руб. оценочной стоимости страховых строений по ипотечным книгам: в 1861 году по 20 коп., в 1862 году — по 1 руб. 21 коп.; в 1863 году по 1 руб. 40 к., в 1864 году по 24 коп., и в 1865 году — по 23 коп.

В настоящее время, как показывает нижеследующая таблица, население меннонитских колоний распадается: 1) *на хозяева* — полных, половинных и четвертных, т. е. владеющих двором полным, половинным и т. д.; 2) *на малоусадьбников*, Anwohner, Freiwirthe — владеющих усадьбою в размере до ½ десят., без полевого надела, или же с наделом до 12 дес. на двор, обратившим их в разряд хозяев; Anwohner ведет хозяйство полупромышленное, полупромышленное; и 3) *на безземельных*, не владеющих, в пределах общественного надела, ни усадьбой оседлостью, ни полевою землею; поселенцы этого класса — либо собственники и арендаторы, проживающие на своих и арендных землях, либо ремесленники, промышленники и купцы, либо наконец, батраки проживающие и работающие у хозяев по найму de jure — права этих разрядов населения одни и те же, так как даже податные оклады специально об них вовсе не упоминают, и касаются их только в общем числе «душ» или «семейств».

-710-

№ по порядку.	НАИМЕНОВАНИЕ ВОЛОСТЕЙ.	число колоній или сельск. обществ.	НАЛИЧНОЕ КЪ 1867 г. НАСЕЛЕНИЕ.														
			СОСТОИТЬ ЗЕМЕЛЬ ВЪ ПОЛЬЗОВАНИИ.		ХОЗЯЕВЪ.						БЕЗЗЕМЕЛЬНЫХЪ.						
					АНВОНЕР'ОВЪ.						НЕ ВЛАДЮЩИ НИ УСАДЬБОЮ НИ ПОЛЕВЫМЪ НАДѢЛОМЪ: РЕ- МЕСЛЕННИКОВЪ И БАТРАКОВЪ.						
			ПОДКОРНОЕ И ПОДЪ ОРИЩЕВЫМИ ВЫГОНАМИ И ПЛАНТАЦИЯМИ.	ОБЩИННОЕ, ВЪ ВИДѢ МИРСКИХЪ ОБОРОТНЫХЪ СТАТЕЙ.	СЪ ПОЛНОЮ НАДѢЛОМЪ ВЪ 65 д. НА ДВОРѢ.	СЪ ПОЛОВИННЫМЪ НАДѢЛОМЪ — 32 1/2 дес.	СЪ НАДѢЛОМЪ БОЛЕЕ ДРОБНЫМЪ ДО 1/4 ПОРМАННАГО — 16 1/4 д.	ИТОГО.	СЪ УСАДЬБОЮ БЕЗЪ НАДѢЛА ДО 1/2 дес. и 12 дес. ПОЛЕВЫМЪ НАДѢЛОМЪ БЕЗЪ ЗАПАСИ. ЗЕМЕЛЬ.	СЪ ОДНОЮ УСАДЬБОЮ БЕЗЪ НАДѢЛА БЕЗЪ ПОЛЕВОЙ ЗЕМЛИ.			ИТОГО.	СЕМЕЙ.	РАБОТНИКОВЪ МУЖСКОГО ПОЛА 16—60 лѣтъ.		
											ДЕС. УДОБН.	ДВОР. ИЛИ СЕМЕЙСТВЪ.				СЕМ.	М. П. ДУШЪ.
1	Хортицкая	18	29776	2908	320	257	46	623	2149	—	—	681	1633	681	1633	147	136
2	Мариупольская мен- нитская. . . .	5	9492	—	105	39	5	149	579	—	—	126	295	126	295	92	122
3	Молочанская менно- нитская. . . .	58	103901	—	1290	322	—	1612	5307	1304 1)	3375	189	412	1493	3787	1124	1304
Всего . .		81	143169	2908	1715	618	51	2384	8035	1304	3375	996	2340	2300	5715	1363	1562

¹⁾ Этот разряд поселян образовался только с 1866 года, т. е. со времени предоставления 12-ти-десятинного надела. Ближайшие сведения по этому предмету сообщаются ниже.

-711-

В 1867 году, отведенные показанным в таблице меннонитам земли были распределены по угодьям:

	Хортицкой волости.		Мариупольской волост.		Молочанской волост.	
	удобн. дес.	неудобн. дес.	удобн. дес.	неудобн. дес.	удобн. дес.	неудобн. дес.
Под усадьбами с лесными плантациями	494 1/2	-	220 3/4	-	2,461	-
» пашнями	8,881	-	2,997 1/4	-	34,633	-
» выгонами	14,235	5,138	4,997 1/4	167	41,293 1/2	7,684
» обществен. овчарнями и проч	2,908	16 1/2	-	-	5,994	196
» лесами	445	-	-	-	-	-
» сенокосами	664 1/2	-	1,483	-	11,716 1/2	-
Итого	33,721	5,154 1/2	9,450 1/4	167	96,097	7,890

Из этих угодий: усадьбы, пашни и сенокосы — состоят в исключительномъ пользовании подворныхъ хозяевъ каждого сельскаго общества, все же остальные в общем — цѣлаго общества или колонии.

По сборамъ и повинностямъ, различные категории поселенцевъ по каждой отдельной колонии находятся в следующихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Сборы подушные на государственные земские повинности и на содержание колонистскаго управления раскладываются сходомъ уравниательно на рабочихъ обоюго пола от 14 до 60-тилетняго возраста. Поземельная податъ, сборъ на государственные, губернскіе и уездные повинности, все натуральные повинности, сборы на покупку и содержание племеннаго скота, на постройку и содержание общественныхъ строений и учреждений, мостовъ, заборовъ и плотин, а также взносы общественнаго запаснаго хлеба — хозяева несутъ соразмерно владѣемому каждымъ изъ нихъ земельному наделу, — т. е. половинный хозяинъ на половину, а четвертной — в четвертой части противъ полнаго хозяина.

Право выпаса на общественномъ выгонѣ соразмеряется для хозяевъ, равнымъ образомъ, с величиною подворнаго участка. Такъ, владѣлецъ полнаго участка имеетъ право выпастить от 20 до 25-ти, а в иныхъ колоніяхъ даже до 34-хъ штукъ крупнаго скота, при чемъ каждыя пять овецъ и вообще мелкаго скота

-712-

принимаются за голову. Половинный хозяинъ выпасаетъ половину, а четвертной — четвертую часть головъ скота противъ полнаго хозяина.

Малоусадебные владельцы, Anwohner, вносят, по мирским приговорам, в общественную кассу, собственно за усадьбу, особую ежегодную плату. Размер этого платежа не везде одинаков; по отдельным колониям он колеблется между 30 к. и 3 руб. с усадьбы. По мирским же приговорам, определяется право этой категории поселян на выпас скота за известную плату с каждой головы. В 1867 году малоусадебные владельцы пользовались правом выпаса от 2 до 4 и 5 штук скота, с платою в общественные кассы, по принадлежности, от 14 до 50-ти коп. и даже до 1 руб. с головы. В платеже подушной подати, государственной земской повинности и сбора на управление, они участвуют наравне с хозяевами по числу рабочих душ, мирскаго же сбора взыскивается у них с рабочей обоого пола души: на содержание сельского старосты от 8 до 20 коп.; на содержание пастухов—сколько приходится по уравнильной раскладке этой статьи на число выпасаемого скота; и на содержание сельского учителя — сколько из его денежнаго жалованья падает по уравнильному расчету на ученика. Что же касается до отопления и освещения школьнаго дома и продуктов, выдаваемых учителю натурою, то эти статьи лежат в иныхъ колониях на обязанности однихъ участковыхъ хозяев, но в других привлекаются к поставке продуктов въ пользу учителя и малоусадебные владельцы, по уравнильной раскладке этой повинности на число учеников. В сборе на содержание врачей, фельдшеров, оспопрививателей и бабок, — малоусадебные владельцы участвуют наравне с прочими поселенцами округа.

Наконец, безземельные, будучи свободны только от сбора за усадьбу, которой у них нет, платятъ во всехъ отношениях тоже самое, что и малоусадебные владельцы.

Из числа показанных выше поселенцев-меннонитов, в 1866 году, проживали вне округов, на землях собственных и арендных в Новороссийском Крае, преимущественно в губерниях Таврической и Екатеринославской:

	Семейств	Душ		на собств. землях	на арендных землях
		муж	жен	десятин	
Хортицкой волости:					
а) на землях 12 хортицких меннонитов	41	119	113	10,957	-
б) на землях казенно-оброчных и помещичьих	289	838	835	-	15,666
Итого хортицких	330	957	948	10,957	15,666
2. Мариупольской волости:					
а) на землях 1 мариупольск. Меннонита	2	5	6	245	
б) на помещичьих	38	75	101		253
Итого мариупольских	40	80	107	245	253
3. Молочанской волости:					
а) на землях 7 товариществ-собственник	110	325	295	11,079	-
б) на земляхън 32 менн.- владельцев	32	87	98	99,682	-
в) на землях аренд. от казны и помещ.	81	255	227	-	7,960
Итого молочанских	223	667	620	110,761	7,960
А всего трех волостей	593	1,704	1,675	121,963	23,879

Таким образом, все Новороссийское меннонитское братство, т. е. 15,213 рев. муж. пола душ, сверх 143,000 дес. казеннаго надела, владело к 1866 году, в лице отдельных членов своих, еще до 122,000 дес. земли на правах частной собственности.

В делах духовнаго призрения и церковнаго благочиния, меннониты наши ведаются духовными старшинами и проповедниками

-714-

или наставниками, избираемыми обществами из своей среды пожизненно. Духовные старшины и проповедники исполняют свои обязанности или безвозмездно, или за ничтожное вознаграждение. Иной церковной власти меннониты не признают и не подчиняются. Колонии их разделены на приходы, каждый со своим старшиною и более или менее значительным числом проповедников. Но приходское деление не имеет и не может иметь определенных

границ, так как каждый меннонит лично избирает, по собственному усмотрению, тот приход, к которому он желает принадлежать. При таких условиях Хортицкий округ составляет два прихода и имеет двух старшин, а Мариупольский—один приход съ старшиною; Молочанский округ составлял прежде 9 приходов со столькими же старшинами, но с 1865 или 1866 года он преобразовался в семь приходов. К сожалению, у нас нет ближайших сведений для объяснения такой перемены; полагаем, однако, что это обстоятельство есть следствие религиозного движения, которого коснемся ниже.

VI.

В числе главных факторов, содействующих сельскому устройению, состоит без сомнения и порядок наследования в землях и имуществе; по преимуществу на нем отражаются семейные и имущественные отношения в частной и общественной жизни, а также обычные понятия и вообще нравственный кодекс населения.

Высочайшею грамотою 1800 года меннонитам предоставлено устанавливать опеки по собственным их правилам и распоряжаться своим имуществом, кроме земли казенного надела, по собственному усмотрению (ст. 124, 125 и 154 уст. о Кол.). На этом основании, они не подчинялись установленному, в 1764 году, вообще для колонистов миноратскому порядку наследования (ст. 169 — 178 того же уст.), а составили особое положение. Этим рукописным положением меннониты руководствуются даже в отношении имуществ, принадлежащих им в частную собственность, вне казенного надела. Оно до сих пор нигде не было обнародовано, и потому мы сочли нужным представить его в русском переводе.

-715-

ПРАВИЛА ОПЕКИ И НАСЛЕДОВАНИЯ МЕННОНИТСКАГО БРАТСТВА В РОССИИ. (Положение Молочанского округа).

I. Общая положения.

§ 1. Собственное имущество Меннонита бывает:—недвижимое и движимое.

§ 2. Недвижимым имуществом признаются: а) состоящая на хозяйственных участках жилые и хозяйственные строения; самый 65-дес. участок казенного надела, хотя и не может, по закону, войти в оценку, как частная собственность, в полной его стоимости, но тем не менее новый владелец хозяйства обязан вознаграждать наследников за приобретаемое имъ право пользования участком, за лесные и другие насаждения на нем; за участие, в качестве участкового владельца, в имуществе и угодьях общественного пользования и т. п. Соответственная всем этим выгодам сумма включается въ оценку недвижимого имущества; б) благоприобретенные земельные участки, т. е. земли, приобретенные вне казенного надела, путем покупки, наследования или дарения, в полную наследственную собственность. Таковыя имущества включаются в общую наследственную массу, но с обязательством уплатить следующие по закону, в казну, пошлины ¹⁾. § 3. Движимым имуществом почитается: наличный капитал, долговые требования, скот, хозяйственные и земледельческие орудия и всякаго рода домашняя утварь, а также ремесленные и промысловые орудия и т. п.

II. О праве наследования по линиям и степеням родства.

§ 4. В деле наследования должно отличать линии: нисходящую, восходящую и боковые. По нисходящей линии — законнорожденные дети составляют первую степень родства; внуки — вторую; правнуки — третью и т. д. Но восходящей линии — первую степен составляют родители, вторую — деды-бабки (Großeltern), третью — прадеды-прабабки (Urgroßeltern). В боковых линиях — первую степень образуют братья и сестры; вторую—родные племянники и племянницы, а также родные братья и сестры родителей (родные дяди и тётки) с их детьми; третью — внуки родных братьев и сестер, внуки родных дядей и теток, родные братья и сестры дедов с их детьми и внуками. § 5. Раздел наследственного имущества совершается следующим образом: 1) Если по смерти кого-либо, кроме наследников первой степени, по нисходящей линии, остаются и родственники в восходящей и боковых линиях, то наследуют во всяком случае одни родные дети и внуки- именно: а) если остаются одни родные дети, то оставленное родителями, отцом или матерью, делится между ними по равным частям; единственное дитя есть, какъ само собою разумеется, и единственный

¹⁾ Т. е. с обязательством совершит законным порядком акт о переходе этого имущества по наследству, согласно

наследник; 6) если при родных детях остаются по прямой нисходящей линии и родные внуки (т. е. дети ранее умерших сына или дочери), то эти последние сообщца получают такую же часть, какая причитается на каждое родное дитя, и часть эта делится между ними уравниательно. Если нет детей, а одни только внуки, то они получают все наследство по равным частям, детям же умершего внука (правнукам) выделяется сообщца такая же часть. 2) По смерти родных братьев или сестер, не оставивших наследников по нисходящей линии, имущество их, даже при живых родителях, наследуют оставшиеся в живых братья и сестры, или их дети. Если нет ни родных братьев и сестер, ни детей их, то в наследство вступают оставшиеся в живых родители умершаго. 3) Если, после смерти кого-либо, остаются в живых одни родители и двоюродные братья с сестрами, которые наследовали имущество из одною и тою же рода с умершим, то половинная часть имущества последнего обращается в пользу родителей его, а другая половина передается всем двоюродным братьям и сестрам сообщца, для уравнительного между собою раздела. 4) Имущество умершаго, оставившаго ближайшими кровными родственниками одних родных племянников и племянниц или их детей, а также двоюродных братьев и сестер, или детей их, наследуют первые, т. е. племянники с племянницами, или их дети, по линиям и степеням родства, уравниательно. Если по смерти кого-либо остаются ближайшими родственниками деда (дед и бабушка) и двоюродные братья и сестры, а также дядя и тетки, то наследуют в одной половине имущества деда, а в другой— двоюродные братья и сестры; последние делят между собою наследство, по линиям и степеням родства, уравниательно; если же нет двоюродных братьев и сестер, то часть их поступает к дядям и теткам на том же основании. 6) Если среди живых родственников не имеется дядей и теток, то остаются прадеды и двоюродные братья с сестрами, то последние признаются единственными наследниками. 7) Если нет двоюродных братьев или сестер, но есть прадеды и дядя с тетками, то имущество делится между первыми (прадедом и прабабушкой) и последними (дядями и тетками) на две равные части. 8) Если при двоюродных братьях и сестрах, или детях от них, остаются родные дядя и тетки, или их дети, то единственными наследниками признаются двоюродные братья и сестры, или их дети, по линиям и степеням родства уравниательно. 9) Если же нет в живых ни обоего пола дедов и прадедов, ни двоюродных братьев и сестер, то наследуют родные дядя и тетки, или дети их, по линиям и степеням родства. 10) В более отдаленных степенях родства, если остались одни дядя и тетки родителей умершаго, а также дети родных племянников и племянниц, то те и другие признаются за два отдельных рода, из коих каждый получает половину наследственного имущества. 11) Родные племянники и племянницы устраняют от наследства двоюродных дядей и теток. 12) Если остаются одни двоюродные дядя и тетки родителей умершаго, а также дети родных племянников и племянниц, то единственными наследниками признаются сии последние. 13) Дядя и тетки племянников и племянниц умершаго, при детях от последних, наследуют одну половину, а дети племянников и племянниц — другую половину имущества; и те, и другие, каждый род особо, делятся между собою уравниательно по линиям и степеням родства. 14) Дядя и тетки двоюродных племянников и племянниц (Halbvetteroheime, Halbnichteoheime) наследуют на праве равенства с детьми двоюродных племянников и племянниц. 15) В степенях и линиях еще более отдаленных, наследственное имущество делится между оставшимися в живых родственниками поголовно и уравниательно.

III. О выборе сиротских старшинъ и опекуновъ; ихъ обязанности.

§ 6. Молочанский меннопитский округ, по управлению опекунскими делами, разделяется ныне между семью сиротскими старшинами, имеющими каждый свою определенную дистанцию. Сообщца они составляют одно сиротское управление; общества каждой дистанции избирают своего сиротскаго старшину из среды наиболее благонадежныхъ хозяев, большинством голосов, на четыре года. Избранные обществами лица, по проверке правильности выборовъ со стороны окружнаго приказа, утверждаются им въ должности. Сиротские старшины, в общем заседании, избираютъ из своей среды, на четыре же года,

председателя, который обязывается сообщать окружному приказу балансовые счета, о состоянии и оборотах сиротских имуществ и капиталов. Сиротские старшины присутствуют, каждый в своей дистанции, при разделах имущества, в коем участвуют сироты; руководят ими раздѣлами, ведут, при этом ясные и точные письменные протоколы, разрешают возникающіе недоразумѣнія на точном основаніи сего положенія и заботятся вообще об устраненіи всяких пристрастій и несправедливости в дѣлѣ имуществъ, предупреждая всякую возможность к недоразумѣніям и в будущем. Счета и книги свои сиротские старшины поверяют и контролируют друг у друга сами, в общем засѣданіи, под наблюдением и руководством председателя. Последний о результатах такой проверки отчитывается ежегодно окружному приказу. Равным образом сиротские старшины обязаны бдительным наблюдением за дѣйствіями опекуновъ, дабы вверенные им послѣдним капиталы и имуществъ сирот не растрачивались, а были помещаемы и поддерживаемы обезпеченно и выгодно для сиротъ; за несоблюденіе правил сего положенія вообще, или в частности, а также за неверное или ошибочное веденіе счетов, сиротские старшины ответственны лично и по имуществу. § 7. В случаѣ смерти супруга, наследники коего все, или частью, несовершеннолѣтніе, оставшіеся в живых супругъ-вдовец или вдова (Schicht- или Erbgeber), и мѣстные сельскіе начальники избирают двух кандидатов в опекуны, из коих по крайней мерѣ одинъ должен имѣть постоянное пребываніе в томъ же селеніи, гдѣ состоит опекаемое имущество, или в ближайшем с ним соседствѣ. Кандидаты эти представляются сельскимъ управленіем в сиротское, которое, подвергнувъ их испытанію и признавъ способными и благонадежными, утверждает ихніи званія опекунов окончательно. При этом опекуны обязываются подпискою о неукоснительном исполненіи своих, в отношеніи сирот и их имущества, обязанностей и заменять им отца и мать. Никто не в правѣ уклоняться от званія опекуна; изъятіе допускается только в том случаѣ, когда избранное лицо заведывает уже тремя отдельными опеками. Опекуны вполне ответственны за цѣлость вверенных им управленію сиротских капиталов. Если, по их винѣ, потратится часть сих капиталов, то они обязаны пополнить оныя из собственных средств. Равным образом, на обязанность опекунов возлагается неослабное наблюдение за обезпеченностью сиротских капиталов, оставляемых безпроцентно в руках Schicht- или Erbgeber'ов. Посему, предварительнo раздѣла наследственнаго имущества, окружный приказ дважды вызываетъ чрез публикацію всех кредиторов и дебиторов Schicht- или Erbgeber'a, дабы состояніе имущества послѣдняго выяснилось вполне § 8. После смерти обоих родителей, либо отца или матери несовершеннолѣтних дѣтей, сельскій приказ обязан: в первомъ случаѣ—тотчас, а во второмъ—в теченіе восьми суток, произвести подробную опись всему оставшемуся имуществу, и опись эту, за надлежащими подписями, при особом донесеніи, с изложеніем обстоятельств

-718-

дѣла, представить чрез одного из сельскихъ начальников лично —в сиротское управленіе, а тем временемъ, впредь до раздѣла, имѣть неослабное наблюдение за цѣлостью наследственнаго имущества, сохраняя подлежащее из онаго под печатью. Тотъ же порядок соблюдается и в случаѣ смерти несемейных лицъ, если есть несовершеннолѣтніе наследники. § 9. Опекуны обязаны лично навѣщать опекаемых ими сирот, во всяком случаѣ не менее одного раза в год; они убеждаются при этом о положеніи и поведеніи сирот, и ежегодно,—не позже 15 января, представляют, по данной формѣ, письменные свѣдѣнія сиротскому старшинѣ о состояніи опекаемых. § 10. Каждая вдова обязана, до начала раздѣла, избрать себе благонадежнаго попечителя (Kurator), утверждаемаго в этом званіи сиротскимъ управленіем, по представленію сельскаго приказа. Тоже самое наблюдается и в отношеніи лиц хотя совершеннолѣтних, но еще не вступивших в законный бракъ. *Всякаго рода сделки с подобными лицами, состоявшіяся безъ согласія попечителя, признаются недействительными.* § 11. Если кто-либо из наследников отсутствует или пребываетъ за границею, то интересы такихъ лицъ заступает один из родственников или иное, избранное сельскимъ приказом, благонадежное лицо. В обоихъ случаяхъ лица эти; будучи уполномочены утвержденіем сиротскаго управленія, заступаютъ мѣсто отсутствующих, обязываясь отчетомъ предъ послѣдними в своихъ дѣйствіяхъ. § 12. *Воль скоро предположено приступить к раздѣлу,* Schichtgeber объявляет о томъ сельскому старостѣ, а послѣдній сообщает сиротскому

старшине, который оповещает всех заинтересованных в наследстве лиц, приглашая их, на срок, собраться в доме Schichtgeber'a. Здесь, сельское управление, под руководством сиротского старшины и при бытности наследников, их опекунов и попечителей, производит всему имуществу— движимому и недвижимому—оценку по закону и совести. § 13. Вдовец, в течении 6-ти месяцев со дня смерти жены, а молодая вдова—по истечении первых 4-х месяцев вдовства, равно как все вообще вдовцы и вдовы, обязаны во всяком случае, до нового брачного сговора (Verlobung) предложить, согласно § 12 сего положения, раздел наследственного имущества. При этом, *за вычетом всех казенных и частных долгов, из остающегося свободным имущества предоставляется:* одна половина в пользу Schichtgeber'a, а другая— в собственность наследников. Капиталы несовершеннолетних должны быть выплачиваемы наличностью, не далее одного года со дня смерти владельца (Erblasser), в чем с Schichtgeber'a берется письменное, точно изложенное, обязательство, удостоверенное подписом всех присутствовавших при разделе. Одна копия с обязательства вручается Schichtgeber'у, другая — опекунам, а подлинное обязательство сохраняется при сиротском управлении. § 14. Если вдовец или вдов, решившись на вступление в новый брак, потом отменяет свое намерение, то и в этом случае они обязаны, на точном основании § 12, выделить половину имущества наследникам умершего супруга, так-как в течение времени имущество овдовевшего подвержено переменам. Из-сего правила изъеются только случаи, когда супруги, не имея наследников по нисходящей линии, еще при жизни своей, путем завещания или договора, постановили, чтобы по смерти одного из них,—другой владел пожизненно и нераздельно их общим имуществом. Раздел такого имущества, согласно сему положению, допускается только по смерти последнего супруга—вдовца или вдовы. § 15. Если в числе наследников состоять слабоумный, убогий, калека и т. д., то сиротский старшина, сельское управление, опекуны и попечители обязаны положительно обсудить: каким способом следует обезпечить судьбу несчастного. В случае совершенной и пожизненной неспособности последнего к личному заработку

-719-

ему, преимущественно пред остальными сонаследниками, присуждается *третья часть всего родительского имущества, а в разделе остального он участвует на общем основании.* Уклонение от сего правила может быть допущено только в таких случаях, когда имущество столь значительно, что существование несчастного обезпечивается вполне и меньшею долею наследства. Если же будет признано, что такое лицо способно к некоторому приобретению личным трудом, то надлежит обсудить и постановить, сколько должно отчислить в пользу его из общей массы наследственного имущества, сверх узаконенной части. В тоже время должно быть установлено, где и каким порядком обезпечивается содержание такого лица, *дабы оно не мотло сделаться тягостью для общества.* Если в разделе участвуют, в качестве наследников, двоюродные братья и сестры, то в раздельном акте следует объяснить в точности: сколько отчислено на несчастного наследника сверх законной его части, так как, с одной стороны, на содержание убогаго должно прежде всего обращать его законную часть по общему разделу, отчисленное же сверх этой части— только за недостатком оной, — а с другой, в случае смерти несчастного до израсходования всей суммы наследства, двоюродные братья и сестры его имеют на часть, сверх законной отчисленную, равное право с его родными братьями и сестрами. § 16. *Если после смерти обоих супругов остаются круглые сироты,* то сельский приказ обязайт немедленно довести о сем до сведения сиротского управления, дабы, при посредстве его, имеющие находиться при разделе лица были собраны без потери времени, для обсуждения, каким образом, с наибольшей выгодой для сирот, следует распорядиться их наследственным имуществом. Но во всяком случае, без предварительного разрешения сиротского управления, не могут совершаться ни вызов к торгам или даже самые торги на продажу такового имущества, ни продажа онаго по вольной цене. § 17. Вверенные опекунам наличные сиротские капиталы они обязаны помещать на процентное приращение, в пользу спроть, под надежное поручительство и законные обязательства; сами же воспользоваться сими капиталами, или частью оных, хотя бы на правах заемщика, они не в праве, и делать это им строго воспрещается, так как подобное с их стороны обязательство было бы несовместно с опекунскими их обязанностями. Сиротские старшины, для

обеспечения сиротских капиталов, ведут им подробный счет, по данным для этой цели книгам. По книгам должно быть видно: где, когда и на каких именно условиях помещены капиталы каждой опеки; кто, когда и сколько именно уплатил и сколько, за кем, на каких условиях, остается в долгу. § 18. Для правильного ведения сих счетов, опекуны, по требованию сиротских старшин, обязаны сообщать им самые точные сведения о состоящих в ведении их капиталах, давать подробный отчет о положении каждого капитала и о происшедших в течение года переменах по оным. Отчеты эти поверяются и приводятся в порядок сиротским управлением; из них составляется балансовый учет, который поступает на ревизию окружного приказа. § 19. Общая заседания сиротского управления составляются два раза в год, по полугодиям, для взаимного учета и проверки счетов старшин и состояния капиталов.

На приведенный акт следует смотреть не иначе, как на дополнение ст. 159, 160, 170, 171, 174, 176 — 178 уст. о кол., которые остаются в силе только в той мере, в какой они не противоречат положению обычному.

-720-

Не имея намерения входить в ближайшую критическую оценку правил наследования у меннонитов, мы привели однако действующее у них положение по этому предмету вполне, по важности подобного рода документов. Для нас многозначительно содержание этого акта, как наглядное доказательство полной возможности согласовывать — по наследованию в имуществе — личное право по степеням родства, с хозяйственными интересами двора и общины. Но с другой стороны, содержание того же акта свидетельствует, не менее красноречиво, о том, что применение к лично-общинному поземельному устройству поселян общедействующего порядка наследования (ч. X т. зак. гражд. изд. 1857 г.) положительно немыслимо без полнейшего разстройства основных условий их хозяйственного успеха.

Общедействующие правила наследования, руководствуясь соображениями более политическими, в отношении крупной поземельной собственности, имеют тенденцию — бесконечную делимость наследственного имущества, так-как тенденция эта совпадает с началами, корень которых приводится к началам личного и кровного родства. Но неприменимость этих порядков к быту и насущным потребностям поселян — мелких собственников, подтвердилась, как мы видели, на примере петербургских, рибенсдорфских и беловежских колонистов. В первых, как и вообще в наших наиболее благоустроенных и богатых колониях, личное право на наследование в хозяйстве, истекающее из кровного родства, ограничивается чисто экономическими соображениями, исходная точка которых — целостность земледельческого хозяйства или двора. Напротив, у рибенсдорфцев и беловежцев, при господстве в делах наследства личного принципа в связи с неограниченною дробимостью имуществ, последствия были весьма нерадостны.

Молочанские меннониты, опасаясь вмешательства в их наследственные дела законодательной власти, высказывались так: «Мы не можем поступиться нашими правилами наследования, даже в малейших частностях. С одной стороны, правила эти самым тесным образом связаны с нашими церковнорелигиозными воззрениями и порядками, и даже основываются на них. С другой стороны, правила эти содействуют нашему хозяйственному преуспеянию, упрочивая наш семейно-имущественный быт. В силу всемилостивейшей грамоты, нам дарованной, мы взираем на наше право наследования, как на право положительное — желаем сохранить его и впредь, и не намерены отступать от него ни в малейшей частности, так

-721-

как всякое уклонение от наших наследственных порядков, хотя бы только от правил имущественного раздела, происходящего между лицами обоего пола на началах полной равноправности, подорвало бы в самом корне внутреннее и внешнее наше согласие и спокойствие, лишило бы наше общество нравственной, братской связи, и положительно разстроило бы материальное и нравственное благосостояние, а с ним и бытие наше.»

В том же смысле отзывались и все остальные колонистские общества. Поэтому, едва ли

может подлежать сомнению, что благо материальное и нравственное сельских земледельческих состояний вообще, будучи основано на общинной автономии или начале общественного самоуправления, сосредоточивается в двух главнейших фокусах. Одина, — это порядок и условия внутреннего распределения земельных угодий общества; другой — полное соответствие этому устройству порядков самоуправления и наследования в землях и имуществе. Касаясь одного, нельзя не коснуться и другого; нельзя оставлять одну часть на обычае поселян, а другую — регламентировать законодательным порядком. Здесь, чтобы избежать полнейшего разстройства в поселянском быту, безусловно необходимо: либо вовсе не касаться ни внутренних порядков землевладения, ни обычного права наследования, предоставляя и то и другое безусловно обычаю; либо, устраивая одно законодательным путем, устроить разом и другое — тем же путем.

Что касается до административно-полицейского и хозяйственного управления, то, в этом отношении, меннониты никогда не составляли исключения из тех общих порядков, с которыми в главных чертах читатель уже знаком. Такая податливость братства объясняется очень просто тем, что инструкция общественного управления и вообще устав о колониях если и страдают крайнею отсталостью, по отношению к современному быту колонистов, но замечание это может относиться только к частностям. Напротив, по основным положениям, законоположения эти давали в некоторых отношениях колонистам несравненно более широкий простор по общественному самоуправлению, нежели предоставлено крестьянам положением 19-го февраля 1861 г. Не входя в подробности, мы заметим только, что колонистские приказы — сельский и окружный — как первая и вторая инстанции суда и расправы, всегда решали дела колонистов, не стесняясь суммою иска или спора, тогда как волостной крестьянский суд ограничен ценою 100 руб. и состоит лишь из одной инстанции, что противоречит основным

-722-

началам правильного судоустройства, в ущерб правосудию. Колонистские общества пользовались всегда неограниченным правом сходов, тогда-как на созвание вне определенных сроков волостного схода крестьяне обязаны испрашивать каждый раз согласие мирового посредника. Мировой же посредник, своею властью, может подвергать волостных и сельских начальников денежным штрафам и даже аресту до семи дней. О подобных взысканиях с выборных начальников, вне приговора коллегиального суда, колонисты не имеют понятия и считая арест равносильным с телесным наказанием, положительно не помирились бы с необходимостью подчиняться голове или шульцу, подвергшемуся — почему бы то ни было — аресту. С переходом колоний в ведение общих учреждений — одно это обстоятельство может отшатнуть лучших поселян от общественной службы.

И при таких льготных условиях, меннонитские общества всегда являлись еще как бы баловнем управления; нигде в ином месте попечительство административное не вмешивалось так мало во внутренние дела обществ, как именно у меннонитов. Такое послабление имело только одно, впрочем не совсем благоприятное для меннопитских водворений последствие; именно: они не составили себе тех общественных капиталов, которые, при несравненно меньших материальных способах и преимуществах, накопили большая часть остальных колонистов, во многих случаях недалеко отставших от меннонитов и по хозяйству, и по общественному благоустройству.

А. Клаус.